

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ
им. Х. С. СУЛЕЙМАНОВА

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

ДЖАМИ

ИЗБРАННОЕ

Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1984

Редколлегия: Абдурахманов Ф. А., Ахмедходжаев Э. Т., Джаббаров Д. Д., Каюмов А. П., Пармузин Б. С., Шагулямов И. Ш., Шамухамедов Ш. М.

Великий персидско-таджикский поэт Абдуррахман Джами (1414—1492) по праву вошел в число классиков мировой литературы. Вот уже более двух столетий его произведения переводятся на европейские и другие языки.

В настоящем сборнике представлены образцы его произведений различных жанров.

Составитель АЛИШЕР ШАМУХАМЕДОВ

Редактор БОРИС ПАРМУЗИН

Д 40

Джами.

Избранное (Редколл.: Ф. А. Абдурахманов и др.; Сост. и вступит. ст. А. Шамухамедова)— Т.: Изд-во ЦК Компартии Узбекистана, 1984.— (Избр. лирика Востока).

В надзаг.: АН УзССР, Ин-т рукописей им. Х. С. Сулейманова.

И(Иран)+С(Тадж)

© Издательство ЦК Компартии Узбекистана, 1984.

ПОЭТ ЧИСТОТЫ И БЛАГОРАЗУМИЯ

Джами — это поэт, которому, по справедливому замечанию Гёте, «было бы по плечу все то, что было совершено до него и совершалось рядом с ним».

Творчество Джами является как бы логическим завершением бурного шестивекового развития поэзии на языке фарси, которая обогатила мировую художественную мысль произведениями таких гигантов поэзии, как Рудаки, Фирдоуси, Хайям, Низами, Джалал эд-Дин Руми, Хосров Дехлеви, Саади, Хафиз Ширази, и другие.

Джами — крупный деятель культуры и литературы XV века, духовный наставник многих поэтов, писателей, историков, художников, каллиграфов, музыкантов и даже государственных и религиозных деятелей.

Его произведения, принадлежащие персидско-таджикской поэзии, постепенно завоевывают весьма внушительные позиции в литературах других народов Востока и становятся достоянием мировой культуры.

Нураддин Абдурахман ибн Ахмад ибн Шамсаддин Мухаммад Джами родился 7 ноября 1414 года в селении Харджард в Хорасане, входящем в область Джам. Литературным псевдонимом его стала нисба — производное слово от названия города Джам — Джами, то есть джамиец.

Первым его учителем, как указывает сам поэт, был его отец — ученый, законовед. В 4 года юный Джами пошел в школу, быстро выучил грамоту, арабский язык, коран. Затем учился в Герате, Самарканде, овладел основами всех наук, существовавших в то время, — логики, поэтики, риторики, теологии, философии, астрономии, математики, классической литературы.

Большой эрудит, Джами мог бы добиться высоких чинов при дворе, однако скромность и дружелюбие соче-

тались в нем с чувством собственного достоинства. Вернувшись в Герат в 1451 г., Джами хотел поступить на государственную службу, но в ожидании аудиенции ему пришлось просидеть весь день у одного из чиновников. Сочтя это унижением человеческого достоинства, он отказался в дальнейшем от государственной карьеры. Отныне и навсегда Джами отверг дворцовую роскошь, которую ему неоднократно предлагали Хусейн Байкара и другие правители, преклонявшиеся перед его огромным авторитетом. Всю свою жизнь он прожил в своем небогатом доме на окраине Герата, занимаясь наукой и литературой.

Умер Джами 8 ноября 1492 года.

Абдурахман Джами был другом и наставником великого Алишера Навои, который большую часть своих произведений написал по его совету и благословиению. Джами был первым, на суд которого выносил свои произведения Навои. В свою очередь Джами поступал так же.

О своей дружбе с Джами Навои написал специальную книгу, которую назвал «Пятерица изумленных».

Литературное наследие Джами огромно и многопланово. Он оставил прекрасные художественные образцы, начиная с больших романтических поэм-маснави и кончая такими малыми лирическими формами, как газели, кыта, рубаи, фарды, и дидактической прозой («Бахаристан»).

Его художественные произведения представлены тремя диванами, где собраны касыды, тарджибанды, таркиббанды, газели, маснави, кыта, рубаи, муамма, мурабба и фарды.

Три дивана названы им — «Первая глава юности», «Средняя жемчужина в ожерелье» и «Заключение жизни».

Вообще число его книг доходит до 99. Среди них его большие поэмы, входящие в семерицу — «Семь корон» или «Созвездие Большой Медведицы»: «Золотая цепь», «Саламан и Абсаль», «Дар благородным», «Четки праведников», «Лейли и Меджнун», «Юсуф и Зулейха» и «Книга мудрости Искандара».

Помимо этого, Джами оставил много трактатов по грамматике, философии, суфизму, поэтике, музыке, по составлению и разгадке стихотворных шарад — муамма.

Вот уже более двух столетий произведения Джами пе-

реводятся на европейские языки. В 1778 г. в Вене впервые были опубликованы переводы отрывков из его «Бахаристана» («Весенний сад») на латинский язык. С тех пор многие его произведения переводятся и публикуются на английском, немецком, французском и других языках народов Европы.

В России он стал публиковаться с 1810 года, когда на страницах журнала «Цветник» был напечатан отрывок из одной его касыды, переведенной с французского. В 1822 году в журнале «Вестник Европы» были напечатаны отрывки из его книги «Весенний сад» под заголовком «Изречения и анекдоты Джами». Далее интерес русского читателя к произведениям Джами все возрастает.

В советский период гуманистическая, свободолюбивая по своей сущности (хотя имеются и противоречия) и безупречно совершенная по своей художественной форме поэзия Джами приобрела массового читателя. Являясь одной из ярких фигур персидско-таджикской классической поэзии, Джами стал гордостью мировой художественной мысли, потому что, как писал Гёте, «Удивительная чистота и благоразумие — его достояние».

В данный сборник включены образцы лирических произведений Джами, а также отрывки из его поэм.

А. Шамухамедов

Г А З Е Л И

1

Не найти стройней тебя, как тебе известно.
О, ничтожны мы, любя, как тебе известно!
Роза! Ступишь ли на луч, сдвинется он с места,
Поплывет, стыдясь себя, как тебе известно...
Грудь белее серебра, в серебре упрятан
Сердца твердого гранит, как тебе известно.
Серна из тенет любви прынула обратно
И свободу сохранит, как тебе известно!
Косы длинные до пят — память о тенетах,
Роза — тень любимых щек, как тебе известно...
Блеск чела — мой ясный день, кудри — ночь и отдых,
Черный мускус — лишь намек, как тебе известно!..
Вместе плоть и дух — твой гость, твой Джами — с тобою,
Без тебя он — праха горсть, как тебе известно!

2

Ночью сыплю звезды слез без тебя, моя луна.
Слезы света не дают, — ночь по-прежнему темна.
До мозолей на губах я, безумный, целовал
Наконечник той стрелы, что мне в сердце вонзена.
Здесь, на улице твоей, гибли пленники любви, —
Этот ветер — вздохи душ, пыль — телами взметена!
Если вдруг в разлуке стал я о встрече говорить,
То горячечный был бред, вовсе не моя вина!
С той поры как ты шутя засучила рукава,
Всюду вздохи, вопли, кровь, вся вселенная больна.

О рубинах речи нет, нынче с цветом губ твоих
Сравнивают алый цвет розы, шелка и вина.
По душе себе Джами верования искал,—
Все религии отверг, лишь любовь ему нужна.

3

Похитила ты яркость роз, жасминов белых диво,
Твой ротик — маленький бутон, но только говорливый.
Уж если ты не кипарис, друзьям скажу: насильно
Меня, как воду на лугу, к другим бы отвели вы!
Долина смерти — как цветник: спаленные тобою,
Ожогом, как тюльпан внутри, отмечены красиво.
Едва ли я настолько храбр, чтоб не были страшны мне
И завитки твоих волос, и смеха переливы.
Бродя в долине чар любви, чужбины не заметишь,
Никто там даже не вздохнет о доме сиротливо.
Начав описывать пушок над алой верхней губкой,
Бессильно опустил перо Джами красноречивый.

4

Кто весть красавице доставит о всех убитых ею
И кто забывчивой напомним о позабытых ею?
Разлукой ранен я. Где пластырь, чтоб затянулась рана?
Я лишь свиданием с любимой отчаянье развею.
Цвет пурпура и жаркой крови — цвет славы и величья,
Обязан я слезам кровавым всей славою моею.
Своим глазам я благодарен за славу и за слезы,
Пускай в слезах утонут, если не стоят встречи с нею!
Мне год назад она сказала: «Жди будущего года»,
А в этом мне так худо стало, что прошлого жалею.
Не назовусь ее собакой, хотя бы ненадолго,—
На знамени ее державы позором быть не смею.

Страдания Джами увидев, сказал почтенный лекарь:
«Тут, кроме смерти, нет лекарства, помочь я не умею».

5

По повеленью моему вращайся, вечный небосклон,
Ты отсветом заздравных чаш, как солнцем, будешь
озарен.

Найду я все, чего ищу. Я Рахша норов укрошу,
И будет мною приручен неукротимый конь времен.
Друг виночерпий, напои тюрчанку эту допьяна,
За все превратности судьбы сполна я буду отомщен.
Сладкоречивый соловей красивым станет, как павлин,—
Так хочет вещая Хума, ко мне попавшая в полон.
По вечерам сидим и пьем. И снова пить с утра начнем,
Блаженней это, чем, молясь бить за поклонами поклон.
Джами как будто пил шербет, сладчайший рот им был
воспет,
И сладкогласый соловей был восхищен и вдохновлен.

6

О, если грозный ход времен разрушит этот скорбный дом,
Пусть все сокровища души навеки сохранятся в нем.
Когда ты видишь по утрам, как розовеет небосклон,
Знай, это глиняный сосуд, слегка окрашенный вином.
Аскет, твой череп мудреца не омрачает нам сердца,
Отнимешь чару — до конца мы будем черпать черепком.
Едва мы раскрываем рот, молва везде про нас идет:
У вздорных слухов нет границ. Беда, коль верить им
начнем.
Я эти четки — видит бог! — в кабак бы отдал под залог,
Сто зерен за вина глоток, я чашу пью одним глотком.
Свеча Чигиля, пожалей, не жги, а добрый свет пролей,

Когда, о прелесть, вокруг тебя кружиться стану
мотыльком
Джами, открой нам, не солги, где взял ты мускус кабарги
Ведь разлилось от слов твоих благоухание кругом.

7

Бог только глину замесил, чтоб нас, людей, создать,—
А я уже тебя любил, стал трепетно желать.
Ты благодать с головы до ног, как будто вечный бог
Из вздоха создал облик твой, пленительную стать.
Под аркой выгнутых бровей твой лик луны светлей,
И свод мечети я отверг, стал лик твой созерцать.
Не веришь ты моей любви, хоть все кругом в крови.
Знай, взоры тяжкие мои на все кладут печать.
Умру я с просьбой на устах: смешай с землей мой прах,
Чтоб склепы бедных жертв твоих надежно устлать.
Убей меня! Пусть хлынет кровь, окрасив твой ковер,
Ведь скоро дней моих ковер судьбе дано скатать.
Зачем мне рай в загробной мгле? Есть радость на земле.
Рай для Джами там, где тебя он сможет увидеть.

8

Нет силы у меня, чтоб встать, стряхнув твоей дороги прах.
Нет смелости, чтоб, пса прогнав, взамен лежать в твоих
дверях.
Ты солнце огненного лик, я — к одинокой тьме привык,
И даже собственная тень мешает мне, внушая страх.
Сегодня иль в один из дней ты лучше кровь мою пролей,
Но край твоих одежд позволь держать в доверчивых
руках.
О лекарь, милость мне яви, продай мне средство от любви!
Сказал он: «Без любви живи, не думай о мирских делах!»

К живущим на земле жесток, слезами мир залить я мог,
Как Ной, одну тебя б я спас, в ковчеге плыл с тобой в
волнах.

Я твой Фархад-каменотес,— страданья высятся утес.
У нас обоих, что ни вздох, любимой имя на устах.

О ней беседовал с людьми,— твердят: «От злой уйди,
Джами!»

Кого же мне тогда любить, ответь, всеведущий аллах?!

9

Я дышащую грудь мою готов без жалости терзать,
Хочу слова, где нет тебя, из сердца вырвать и изгнать.
Я без тебя безвестным был, пылинкой неприметной слыл,
В блистанье лика твоего я отраженно стал сиять.

Как сновиденье предо мной проходит дивный образ твой.
Я счастлив тем, что в мире сем любовь мне выпало узнать.

Хоть за лохмотья нищеты два мира посулили мне,
Честнее рубище носить, бог слишком мало хочет дать!
Моя одежда дорога: блестят там слезы-жемчуга.

Неиссякаем их запас, могу под ноги их метать.

Уверен я: на небесах все небожители в слезах,

Мои стенанья там слышны, и боги стали сострадать.

Велела ты: «Стань псом, Джами! Собачью цепь себе
возьми!»

Когда не верным псом твоим, так кем еще могу я стать?!

10

Кто расскажет луноликой, той, с которой разлучен,

Что тоскую я, стенаю, и сомненьем удручен?

По тропинкам, где остались легких ног ее следы,

Я всю ночь брожу в печали, забыв покой и сон.

Что мне пышных роз цветенье? Я безумный соловей,—

Верен я прекрасной розе, той, в которую влюблен.
Розы красные пылают, словно весь цветник в огне,
Будит вновь воспоминанье каждый розовый бутон:
Вижу нежный рот и щеки, стан, что тоньше волоска,
И смятенно умолкаю, красноречия лишен.
Загадал я: будем вместе, — если сбросишь свой покров.
Ты, откинув покрывало, появилась, будто сон,
Снисходительно сказала: «Стань, Джами, моим рабом».
И ликующей звездой озарился небосклон.

11

Веселый праздник наступил, веселый день для всех
людей,
Ты посмотрела на меня, и я стал жертвою твоей.
Боишься затупить клинок, чтоб умереть я сразу мог...
Прошу тебя, не мучь меня — без сожаления убей.
Я верный дам тебе совет, как без клинка меня сразить:
Мне покажи свое лицо и взгляд метни из-под бровей.
Не знаю, для чего мне жить, когда тебя со мною нет!
Могу ли жизнью посчитать остаток этих тусклых дней?
Вновь праздник наступил для всех, кругом звенит
беспечный смех,
Ты — праздник мой, но плачу я, и мрачно на душе моей.
Предпраздничную кутерьму, коль нет тебя, я не приму,
Мне тяжки праздничный разгул, веселье и приход
друзей.
Джами, вновь праздник миновал, а ты ее не увидал.
Кто вздумал праздником назвать тот день, что всех
других грустней!

12

Кровью сердца без тебя грудь моя обагрена
И кровавая глаза покрывает пелена.

В плен ты взять меня смогла, но раба не добивай,
Жалок я, но жизнь моя вся тебе посвящена.
Завитки твоих кудрей — звенья тягостных цепей,
Ими в бездну завлечен, что безумия полна.
От чарующих колец обезумел я вконец.
Поводырь мой, я — слепец, без любви мне жизнь темна.
Не расспрашивай о том, чем живу я день за днем,
Погляди — и ты поймешь, как судьба моя грустна.
Иль сочувствие в тебе пробудит моя беда,
Иль клинок свой обнажишь, чтобы кровь текла, красна.
Плоти я, Джами, лишен. Скорбный вздох я, долгий стон,
Я рыдающий рубаб, в песне боль моя слышна.

13

Все розы расцвели в саду, но любоваться нету сил,
Мне без тебя не только сад, а весь цветущий мир не мил.
Друзья вдыхают аромат, вблизи кустов они сидят,—
Ты — краше розы, близ тебя я радость жизни находил.
Соринки с твоего пути я рад ресницами смести,
Слезами глину замесив, свое надгробье я сложил,
Ты беднякам — так говорят — даруешь красоты зекят,
И мне немного удели, я эту милость заслужил!
Подобно птице, трепещу, погибель от клинка ищу,—
Ты руку занеси с клинком, чтоб я не мучился, не жил.
Мне суждено теперь одно: позор, беспутство иль вино.
«Уйди!» — советчику кричу, чтоб близ меня он не
кружил.
Не говори: «Зачем, Джами, газели жалобны твои?»
Я кровью сердца их писал, в них вздохи скорбные
вложил.

14

Когда ты ночью ляжешь спать, мечтаю робко об одном:
Вблизи, светильник засветив, твоим полюбоваться сном.

Ресницы прикрывают взор, они меня подстерегли,
С тех пор мерещится везде бровей приподнятых излом.
Я волю смелым дал мечтам: я припаду к твоим устам,
Покрыта верхняя губа благоухающим пушком.
Хочу вечернею тропой идти неслышно за тобой,
Сопровождая, охранять, быть тенью на пути твоём!
Отдав поклон тебе земной, я к ветерку бы стал спиной,
Чтоб пыль порога твоего с лица не сдуло ветерком.
Одной я отдал сердца жар, одной вручаю душу в дар:
Зачем ты угрожаешь мне несправедливости мечом?
Джами, о том не сожалей, что верен ты любви своей,
Нет веры у тебя иной. Ты изуверился во всем.

15

Не хочу я пустословьем осквернять родной язык,
Потакать лжецам и трусам в сочиненьях не привык.
В бесполезных поученьях затупить свое перо —
Все равно, что бросить в мусор горсть жемчужин дорогих.
В суете и праздномыслие я растратил много лет
И раскаиваться буду до скончанья дней моих.
Лишь с годами постигая смысл сокрытый ремесла,
Тайно слезы проливаю, еле сдерживаю крик.
Пусть от Кафа и до Кафа слов раскинулся простор,
Поиск верного созвучья вел не раз меня в тупик.
Рифмы, образы и ритмы так же трудно подчинить,
Как поймать рукою ветер, наклоняющий тростник.
И сказал я на рассвете вдохновенью своему:
«Мне мучительно с тобою каждый час и каждый миг.
Я устал гранить и мерить, находить и вновь терять,
Пребывать хочу в молчанье, отвратив от песен лик».
«О Джами,— в ответ услышал,— ты хранитель дивных
тайн,
Ты богатствами владеешь, я раздариваю их!»

Кумир по-тюркски говорит, его не понял я пока,
 Но я в плену у тюркских глаз и у чужого языка.
 Сладкоречивым я прослыл, но устыжен тобою был.
 Смуться, я понял: речь моя от совершенства далека.
 Пусть на груди моей горит полуокружный след копыт
 Того коня, что вдаль унес так беспощадно седока.
 Иные выставляют щит, который сердце защитит,
 Я бросил щит, мишенью став для всемогущего стрелка.
 Я — словно туча: смех мой — гром, и слезы хлынули
 дождем.

Но пламень сердца не зальет горючих этих слез река.
 Когда б осмелился, я сам припал к божественным стопам.
 Любовь безмерная моя неодолима и крепка.

Тебя отвергнет вдруг кумир — и рухнет сразу светлый
 мир,

В бесславье будешь пребывать, Джами, грядущие века.

Зачем не сразу умер я, зачем разлуку перенес?

И, словно смертного греха, стыжусь я этого до слез.

Я был неопытен, несмел, я только издали глядел,

Ни разу не поцеловал уста, что ярче вешних роз.

Соперник послан мне бедой, ему, измученный, худой,

Как кость собаке, я себя на растерзание принес.

Не сосчитать твоих рабов, чертоги стерегущих псов,—

Я жалкий раб твоих собак, твоих рабов покорный пес.

Страданья сладость я постиг, не зная радостей других,

Мне дела нет до дел мирских, до пересудов и угроз.

На мне не бархат, не атлас, не отводи в смущенье глаз:

Почетно рубище мое, горжусь я тем, что гол и бос.

Ты похвалялась пред людьми: «Гроша не дам я за
Джами!»
Что ж, цену верную себе узнать мне ныне довелось.

18

Обо всем забыв на свете, сам с собой наедине
О тебе, томясь, мечтаю в предрассветной тишине.
Вновь в объятиях страданья бесконечно длится ночь.
Долгожданного забвенья не дожидаться мне во сне.
Но, увидев в полном кубке отраженье уст твоих,
Я сознания лишился, и вина тут не в вине.
Состраданьем, как по струнам, мне по жилам провела,
И протяжно застонал я, уподобившись струне.
Серьги, кольца золотые так пленительно звенят.
Что, кольцо надев ушное, стал рабом твоим вдвойне.
Ведь совсем еще недавно были мы с тобой вдвоем,
Сладость ночи миновавшей возратить хотелось мне.
Круговую чашу горя выпей, сердце, до конца.
«Пей, Джами,— сказала сердце,— пей со всеми
наравне!»

19

Уста ее пьяней вина, и я вино в волненье пью.
Разлуки проклиная дни, я не вино — томленье пью.
Печали этой нет сильней — изглодан мукой до костей,
Тоску безмерную свою в бессильном иступленье пью.
Не отвлекай меня, прошу: своей любимой я служу.
Пьян без вина, едва дышу, в тревоге и в смятенье пью.
Неспешно пьют друзья кругом, о том беседуя, о сем,—
Я вспомню терпкие уста и вновь без опьянения пью.
Одной любовью опьянен, я отвергаю небосклон,
Пусть, словно чаша, полон он, ведь я без утоления пью.

И если б вдруг Лейли вошла, Маджнуна чару поднесла,
Не удивился я тому, ведь я без отрезвления пью.

Сказала роза мне при всех: «Джами, вот чаша, пить не
грех!»

И кубок с розовым вином я, преклонив колени, пью.

20

Звенит томительно рубаб, и винных струй звучанье в нем,
И до бесчувствия струна меня глушит своим вином.
Я чашу страждущему дам, но рядом пить не сяду сам:
Впиваю я ушами звон, как будто припадаю ртом.

Зачем мне этот небосклон, где солнце, словно ковш,
плывет?

Остатки на пиру любви испил бв лучше я тайком.

Знай, я по горло пьян и сыт слезами собственных обид
И сердце бедное мое — кебаб, сжигаемым огнем.

Ты обещаешь, ты сулишь... Но ты обмантый морок лишь,
Родник в пустыне, занесен сыпучим, медленным песком.

Не говори: «Вино спасет и боль разлуки унесет».

Знай, без тебя не хмель, а яд единым выпью я глотком.
Без нежных губ я изнемог, рот пересох, свидетель бог.

Вино как воду пьет Джами, не находя забвенья в нем.

21

Благославляю ветерок, он посетил твой ранний сад,

Донес он утренней порой моей любимой аромат.

Хочу я превратиться в прах, чтоб у прохожих на стопах

Пробраться в дом твой, и в углу я притаиться буду рад.

Мечтаю я к твоим стопам припасть усталой головой,

Дай мне забвенья и покой, не надо мне других наград.

Еще молю я об одном: ударь меня литым клинком,

Пусть стрел летучих острия меня безжалостно казнят.

Из нити жизни и тревог сплету узорчатый шнурок,

К нему я сердце привяжу, чтоб ты украсила наряд.
Ту сладость, что туба дает и золотой пчелиный мед,
Я обрету, увидя стан, с которым кипарис равнят.
Зачем Джамии михбара свод — густых ресиц он видел
взлет,
Пред аркой сросшихся бровей священным трепетом
объят.

22

Ты пери устыдить смогла своею нежной красотой,
И розу юную поверг в смятенье лик лучистый твой.
Я так в разлуке тосковал, что кровью слез окрасил луг,—
Кора табаристанских лоз от них покрылись краснотой.
И в мире царствует хаос с тех пор, как шелк твоих волос
Во власть отдали ветерку, что пролетел над головой.
Идешь, не приминая трав, полу одежды подобрал,—
Кеклик споткнулся: вздумал он идти походкой легкой
той.

Весь город в сладостных силках, проходим трудно
сделать шаг,
И каждый смотрит на тебя с немим восторгом и мольбой.
Не до Джамии теперь тебе! Затерян в общей он толпе,
И щеки впалые его с соломой схожи желтизной.

23

Ты цветком сперва казалась, что в одежды облекли.
Нет, решил я, это розу человеком нарекли.
Легкий стан обременяют разноцветные шелка —
Ткать из белого жасмина одиянье повели.
Не жрецы в своей кумирне поклоняются богам,—
Я, в священном иступленьи, пред тобой лежу в пыли.
Ты, прелестная тюрчанка, мне погибелью грозишь.
Иль тебя из Хорасана или Чина привезли?

Прикажи расстаться с жизнью за единый поцелуй —
Я пожертвую душою, но блаженство посули.
Дай коснуться поцелуем, дай изведать сладость уст.
А потом — на все согласен! — умертвить меня вели.
Если жизнь в руках любимой, словно птица в западне,
Одного Джами желает: чтобы вечно дни текли...

24

У подножья Бисутун мак кровавый запылал,
Будто лапы родника наземь выбросили лал.
Я ошибся: это сам покоритель гор Фархад
Вырвал пламень из груди, и цветок его вобрал,
Гиацинт твоих кудрей, запах мускуса тая,
Сто мятущихся сердец на колючно нанизал.
Безответная любовь день одела темнотою,
На лице моем рассвет, словно кровь, зловеще ал.
Груз разлуки на весах я измерить захотел, —
Эта ноша тяжелей, чем я прежде полагал.
Я в лицо твое глядел — кельей мне казался лик,
Сквозь окно зениц пройдя, лунный свет внутри сиял.
Возлюбившие тебя бремя бедствия несут,
Но несчастнее Джами ни один из них не стал!

25

Ушла любимая моя, я одиноко стал страдать,
Кровоточит моя душа, сердечной боли не унять.
От близких отказался я, ей в жертву я друзей принес, —
Не знаю, перед кем теперь мне скорбь разлуки изливать.
И вслед за ней и вокруг нее идут влюбленные толпой,
Но средь избранных, увы, мне место не дано занять.
Доколь напрасно счастья ждать от переменчивой судьбы?
Удел мой — голову склонить и все возлюбленной
прощать.

Всех, кто любить ее посмел, она измучила вконец,
Молю ее лишь об одном: о, продолжай меня терзать!
Будь милосерден, лекарь мой, пронзивший сердце
острием:
Чтоб кровью я не изошел, стилет не надо вынимать.
И слезы бедного Джами струятся, как река Аму,
В слезах покинул он Герат, с тех пор не устает рыдать.

26

Ты ушла не простясь. Ты покинула дом,
Оглянуться забыв, будто я незнаком.
Поспешила в дорогу, влекома мечтой,
На несчастного глянуть считая грехом
Я был верным рабом, стерегущим порог,
Ты ушла, не подумав, что станет с рабом.
Как слеза по щеке, торопился я вслед,
Ты надменно прошла с равнодушным челом.
«Посмотри на страдальца! — я тщетно просил,
Обреченно молил лишь о взгляде одном: —
С пролетающей птицей привет передай,
Весть одну с мимолетным пошли ветерком!»
Ради этой мятежной и гордой души
Отдал душу Джами, не жалея о том.

27

Язык — толмач, слова — рабы, их смело подчинило
сердце
Ту речь, что мы произнесли, в глубинах породило сердце
Весь мир и зримое кругом: земля, небесный окоем —
Частица малая того, что суть свою вместило сердце
Все проявленья бытия, твою тоску, любовь твою,
То, что написано пером, — волнуясь, сотворило сердце
Оно — разящая стрела, что луком пущена была,

Рука нам только помогла, но метко в цель пронзило
сердце.

Познанья дивное вино, что богом пить запрещено,
Его вкушают мудрецы, в него вложило силу сердце.
Свободный от запретов, тот раскрепощенной мысли плод
В своем единственном саду тайком от всех растило сердце.
Джами, ты высказал слова. В них проявление божества.
Посланье духа самого, что до поры таило сердце.

28

До чаши неба невзначай коснулась пальцами луна —
И песня радостной любви влюбленным сделалась
слышна.

Уходит месяц на закат, хмельной от праздничных усад,—
Со мной из чары золотой испей пурпурного вина.
Вино, что ты продашь в тиши, ценней, чем проповедь
ханжи.

Ханжа, милей мне торгоши — в них безыскусственность
видна.

В одном тебе преуспевать: грехи чужие обнажать.—
Коль их не сможешь замолить, то сам греховен ты сполна.
Знай: недостойно мудреца нам болтовней смущать
сердца,

Мудрец и молча говорит,— в молчанье мысли глубина.
Коль в жизни ты не преуспел, людские души не задел —
Себя сумеи преодолеть, нам лень духа не нужна.
Джами, на слабеньком огне не сварить пищу в казане,
Пройдут года, он закипит и раскалится докрасна.

29

Ты нашла себе другого, как теперь мне поступить?
С кем об участи печальной ныне стану говорить?
Мне друзья чужими стали, очерствели их сердца,
Враг стал другом — все смешалось, ничего не изменить!

Мы опишем наши чувства на пергаменте лица,
Если нам перо придется с кровью слез соединить.
Нам твердили, что кумиры — воплощенье красоты,
Ты своею красотой мир сумела ослепить.
Объяснить иносказанье вдруг потребует ходжа:
Мысль запрятана глубоко, как невидимая нить.
Я бушующей стихией счел могущество стиха,
И другого океана нам нельзя вообразить.
Современники глухие не поймут тебя, Джамии,
По ступеням отрицанья в ночь сойдем, чтоб вечно жить.

30

Друг виночерпий, поспеши, пора нам речи прекращать,
Вина запретный аромат пусть на уста кладет печать.
Я слишком многое познал, Наполни снова мой бокал,
Вино поможет память смыть, свободу обрести опять.
Но ухищренья ни к чему, освобожденья нет уму,—
Поддай вина, чтоб от себя смог опьяненный убежать.
Вина испив один глоток, провидцем стану, как пророк,
Бессмертье Хызра обретя, трубы господней стану ждать.
Ты на могильный холм придешь и капли винные
прольешь,
И ветви, полные цветов, сквозь кости станут проращать.
В самодовольном мире сем вино считается грехом,
Но чаша в винном погребке мне заменяет благодать.
Джами, еще вина испей, чтоб с милой встретиться
скорей.
Приди, о кравчий, и налей, дай мне блаженство
испытать.

31

Столь восхитительной луны во всех земных владеньях
нет.
Влюбленным трудно без тебя — у них в груди терпенья
нет.

Где отыскать терпенье мне? В твоём пылаю я огне,
Под небосводом голубым губительней влеченья нет.
На что похож бровей полет? Священного михраба свод,
Два полукружья, два крыла, две арки — совершенней
нет!

Писанья я читал листы с изображеньем красоты,
Пристрастно всматривался я — нигде с тобой сравненья
нет.

Я миг свиданья заслужил, он отдален судьбою был.
Есть только право у меня. Надежды на свершенье нет.
Кто изнурен разлукой, тот свиданья, как лекарства,
ждет, —

Тому, кто опиум курил, ни в чем ином забвенья нет.
Любовь, считали с давних пор, — морской бушующий
простор.

Джами мечтает утонуть: от страсти исцеленья нет!

32

Мой тюркский ангел на фарси двух слов не может
разобрать:

«Целуй меня», — я попросил. Она не хочет понимать.
Позавчера я весь пылал. Вчера от страсти погибал,
Сегодня видел я ее... и не осталось сил страдать.

Перед глазами ты, мой свет. Иных кумиров в сердце нет.
Грудь — крепость, ты шахиня в ней, чужих не велено
пускать,

Как дальше быть? Коль ты кузнец, то я одно из тех
колец,

Которым заключен Юсуф в тюрьму, подобно сердцу
моему,

А без Юсуфа Зулейха весь мир темницей станет звать.

Себя я с облаком сравнил. Тебя — с цветком в расцвете
сил.
Смеется роза в цветнике — мне предначертано рыдать.
Столь сильно любящий Джами с самим Якубом ныне
схож:
Его кумиром был Юсуф, он за него мог жертвой стать.

33

Как хорошо под тенью ив сидеть в палящий зной:
Пронзают мягкие лучи шатер листвы резной.
Роса мигает и слепит от вздохов ветерка,
Возносит с гордостью тюльпан свой кубок огневой.
Но в сердцевине у цветка таится чернота,—
Увы, ему недолго пить сок радости земной.
Еще зеленая трава свежа и весела, —
Она свернет ковер надежд осеннею порой.
Я вспомнил, глядя, как нарцисс горд венчиком своим,
Венец Парвиза, павший в прах, Джамшида трон златой.
Что означает пенье птиц в опавшем цветнике?
В нем обещанье новых встреч грядущею весной.
Когда в бессмертье призовет меня всеильный бог,
Хочу, чтоб помнили меня, обретшего покой.
Знай, мысль и облик, плоть и дух едины быть должны, —
Все сменят белый шелк одежд на саван гробовой.
Пиши, Джами, коль скрип пера услышит небосвод —
Сломает в зависти Зухра чанг сладкозвучный свой.

34

Твой стан — как трость. А мы — стары...
Идем, преодолая боль.
Не возгордись, поставь плечо и опереться нам дозволь.
Ты так прелестна и юна, благоуханна, как весна,

Тебе ли взоры обращать на эту нищую юдоль?
Величье солнца у тебя — ничтожнее пылинки мы,
Ты нашей слабостью сильна — мы пред тобой босая голь.
Я так твой образ возлюбил, что стал царем в стране
любви,
Хотя, при разуме моем, везирем стать не смел дотоль.
Разлука держит нас в плену... А где же добронравный
друг,
Чтоб рассказал, что терпим мы, в плененье мучимые
столь?
Печаль окрасила чело, наш лик шафранно-желтым стал,
И полоса кровавых слез перечертила щеки вдоль.
Судьбы зловещей письма ты у Джами смети с чела,
Ему, издевавшему все, одну тебя любить позволь!

35

Рот твой нежный улыбнулся, зубы-жемчуг показал
И зубами узел горя мне на сердце развязал.
Твой округлый подбородок! — шар точеный для човгана,
На майдане обаянья шар твоей добычей стал.
Так зашей мне ворот сердца, порванный рукой разлуки,
Чтобы швом на том разрыве шелк волос твоих блистал.
Всяк пожнет, что сам посеет; только мне во всем
злосчастье:
Сеял я любовь и верность — боль и бедствия пожал.
К своему живому взгляду я с утра тебя ревную,
Ведь вчера во сне глубоком он твой образ созерцал.
О, к тебе, как Нил к Египту, слез моих поток стремится,
Омывая лишь обрывы безотзывных мертвых скал.
Износил Джами подошвы, по следам твоим блуждая,
Но к стопам твоим устами он ни разу не припал.

Сидящие в питейном доме в сердечной радости живут,
От наваждения мечети и ханаки они бегут.

Они покровы благочестья, как мы одежду, разорвали,—
На покаянные обеты и на фетву они плюют.

Нам горе — друг, беда — приятель, отчаяние — наш
наперсник.

Эй, сердце, где ты? Что ты медлишь? Ведь все гуляки
в сборе тут.

Пройди возле дверей кумирни, откинув локоны густые!

Те, кто лицо твое увидят, перед кумиром не падут,

Но если пьяницы из кубков вино на землю разливают,

То ведь глаза твои, пьянея, не кровь ли сердца разольют?

Что толковать о райском древе и лгать о лотосе небесном?

С твоим высоким стройным станом они в сравненье не
идут.

Джами, святилище Каабы — не место для любого сброда.

Будь тем доволен, что открыта дверь в этот храм, в
котором пьют.

Жду всю ночь нетерпеливо, что ко мне луна идет.

Мне при каждом стуке в двери кажется: она идет!

Внемля песне заунывной, лью рубиновые слезы;

Так вот кровь из вены вскрытой, как рубин красна, идет.

От сердечного горенья я в горячке, в лихорадке.

Мне на смену мукам яви бред больного сна идет.

Побывать еще хоть раз бы в том далеком переулке,

Где кумир мой на прогулке, как в садах весна, идет.

Пусть мне будет изголовьем камень твоего порога,

Пусть в руке, занесшей камень, смерть ко мне, грозна,
идет.

Хоть в руке прекрасна роза, но несорванная лучше,

Цветников ей потаенных мир и тишина идет.

Искандар великий умер, не достигши влаги жизни,
Лишь проложенная Хызром к ней тропа одна идет.
Лалы уст жизнедарящих для Джами недостижимы,
Кровь его из хума сердца, как струя вина, идет.

38

Когда из праха моего трава кровавая взойдет,
Зеленый верности листок на каждом стебле развернет.
Главу к зениту, как огонь, в надменности не подымай,
Сердец, сгоревших в том огне, намного выше дым встает.
Я власть теряю над собой, своим безумьем опьянен,
Лишь легкий звук твоих шагов до слуха моего дойдет.
Прислушайся — то не дервиш на темной улице кричит,
То голос мой взывает: «Дод!» — на помощь гибнущий
зовет.

У странника я на глаза навертываюсь, как слеза,
Расспрашиваю: «Где она? Ну как любовь моя живет?»
Пусть лекарь книгу развернет, прочтет советы мудрецов:
Он от безумья моего лекарства в книге не найдет.
О, сколько должен ты, Джами, пролить еще кровавых
слез,
Пока безмолвный твой кумир покой души тебе вернет!

39

В пятерне страданий сердце изошло немой тоской..
Этих кос, как струн дутара, не коснуться мне рукой.
За одно лишь слово мира я отдам тебе всю душу,
Хоть бедой военной дышит твой неверный мир со мной.
В море мук омыл я руки, смыл с ладоней след надежды,
Рвался к счастью и увидел бездну пасти роковой.
Сердца кровь в глазах — не слезы, словно каплет сок
гранатный.
Из-за уст твоих гранатных, видно, цвет у слез такой.

Обо мне бояться вспомнить гости, сев перед тобою;
Разве шах боится мата, правя шахматной доской?
Я упал во прах, побитый градом каменных упреков,
Я убит враждою низких и льстецов твоих толпой.
О Джамии, как больно сердцу, так оно набухло кровью,
Что готово разорваться, как бутон цветка весной!

40

Дом на улице твоей я хочу приобрести,
Чтобы повод был всегда близ дверей твоих пройти.
Сердце вынул, если б мог, бросил бы на твой порог,
Чтоб для стрел твоих мишень рядом ты могла найти.
Не хочу держать бразды и тобой повелевать,
Лучше ты удар камчи мне на плечи опусти.
Адским пламенем грозит проповедник городской,
Ад любви моей — страшной: от него нельзя спасти.
О Юсуфе, о его красоте смолкает быль,
Стоит людям о тебе речь живую завести.
Блеск воды твоих ланит, родинки твоей зерно
Приоткрой, к зерну с водой птицу сердца подпусти.
Да, Джамии пусть будет псом, но не у любых дверей,—
У порога твоего пусть покоится в чести.

41

Когда умру, хочу, чтоб кости мои в калам ты превратила,
Чтоб сердце на скрижали праха всю повесть муки начертало.
Промчись над головой моею на Рахше твоего тиранства.
Пусть мне пригрезится, что в мире меня ты вовсе не забыла.
Михраб твоих бровей увидя, имам от кыблы отвернется —
И склонится перед тобою в огне молитвенного пыла.

Из глаз моих струятся слезы, из сердца льется кровь
живая.

Где мне спастись? Поток бунным она жилище
затопила.

Твой переулочек мне — Кааба, там проливай ты кровь
влюбленных.

Вокруг святыни той пустыня от жажды яростной изныла.
Лицом к следам твоих сандалий я прикасаюсь...

О блаженство,
Когда бы ты стопою легкой на лик страдальца наступила.
Мне тесен круг существованья с тех пор, как я с тобой
в разлуке.

Перед Джами теперь пустыня простор неведомый
открыла.

42

Нарциссы темных глаз твоих так томны, так опьянены,
Так для души моей они грозящим бедствием полны.
Ведь кроме тела и души меж нами не было преград.
Приди! Разлукою давно преграды эти сметены.

Как две ревнивицы, мои зеницы на тебя глядят.

И, друг от друга утаясь, к тебе всегда обращены,
Что спорить радуге с луной? Пусть арками твоих бровей
Сольется радуга небес с блистающим серпом луны.

Настанет ночь — глаза твои как два туранские стрелка,
В тени уснули... Луки их под изголовье им годны.

Непостижимы для ума — твой стан, твой взгляд, твой
нежный рот.

Хоть ум в познанных и достиг неисследимой глубины.
Не спрашивайте у Джами о мире этом, мире том.

Все помыслы его теперь к единственной устремлены.

Что видел в мире этот шейх, укрывшийся в своем дому,
Отрекшийся от нужд людских, себе лишь нужный
самому?

Он сам живую с миром связь, как пуповину — перегрыз,
И, словно шелковичный червь, ушел в свой кокон —
чужд всему.

Зачем, живой среди живых, бежит он от людских тревог?
От всех избавясь, от себя — куда уйти? В какую тьму?
Он в зрелости, исполнен сил, достойных дел не совершил.
Ты, как неверному, ему не доверяйся потому...

Ведь он верблюжьих бубенцов не слышал среди степных
песков.

Ты, слыша проповедь его, не верь и слову одному.

Влюбленный в ложный внешний блеск, он груды раковин
купил,

Бесценный жемчуг свой за них отдав неведомо кому.
Джами, не спрашивай его о чаше истинной любви,—
Из чаши той не довелось и полглотка отпить ему.

Мне чуждой стала мадраса, и ханака мне не нужна:
Обителью молитв моих отныне стала майхона.

В круженьи зикра — голоса дервишей не влекут меня,
Спешу под сень, где най звучит, где песня пьяная слышна.

Что спрашиваешь ты меня о шейхах и об их делах?
Тут глотка зычная, мой друг, и стоязычная нужна.

Где кравчий, рушащий обет и попирающий запрет?

Мы благочестье продадим за пиалу иль две вина.

Ты о любви мне расскажи! Я лучше сказок не слышал

Под куполом страны чудес, что сказок исстари полна!

Сожги крыла, как мотылек, пади у ног своей свечи,

Чтобы сердца воспламенять, она всевышним зажжена.

Но ты, Джамии, чуждайся тех, кто внешним блеском
увлечен!
Не в каждой раковине, друг, жемчужина заключена.

45

Твои глаза приносят в мир смятенье.
Склони глаза к поникшему в моленьи.
Увы! Твоих бровей туранский лук
Без промаха разит, без сожаленья.
Весь мир тебе сокровища дарит.
Душа живая — все мое даренье.
Я — пес твой. Ты порой бросаешь кость
Мне, как небесное благословенье.
Основа нити истинной любви —
В твоей красе, в любом твоём движеньи.
Ты любишь видеть слезы? Я пролью
Потоки слез, как вешних вод кипенье.
Учась у черных кос, обрел Джамии
И вещий взгляд, и тонкость разуменья.

46

Узкоглазая смутьянка мой похитила покой.
На ее кабе в обтяжку блещет пояс золотой.
Красотой, походкой, статью это пери — скажешь ты.
Но нигде не встретишь больше и строптивости такой.
Не дождусь я встречи с нею. Поцелую, может быть,
Легких ног ее подошвы, после смерти став землей.
Кровь мою пролить ты хочешь? Я пощады не прошу.
Сшит мой саван погребальный, меч булатный — под
рукой.
А моих страданий повесть перепишут брызги слез
На листках травы, проросшей из того, что было мной.
И пускай развеют ветры по лицу земли мой прах,

Будет каждая пылинка веять прежнюю тоской.
Не унять мне жженья в сердце и ничем не потушить.
Кроме смертного напитка, кроме гибели глухой.
Ты, смеясь, проходишь мимо и не знаешь обо мне,
Как в слезах тебе я счастья у небес прошу с мольбой.
Боже мой, во что же верить безнадежному Джами,
Коль уйдет он обойденный и невзысканный тобой?

47

Померк рассудок. Сердце, плачь, ты — колокольчика
рыданье,
Ведь караван моих надежд уходит в дальнее скитанье.
Любимая! Моя душа, как птица без воды и зерен,
Без щек и родинок твоих обречена на умиранье.
Да, роза на земле растет, а на граните — куст колючий;
Любовью чистой я горю, а ты сулишь одно терзанье.
Ты страсть к сопернику таишь, я ж без тебя дышать не
в силах,
Ведь это ты — моя душа: где нет души, там нем дыханья.
Когда бы сети паука слабы, как это тело, были,
Могло бы их легко порвать мушиных крыльев трепетанье.
Так ослабел я, что тебя мой стон и вздох достичь не могут,
Но знай, что их причина — ты. Явись же на мое стенанье.
Одну лишь букву, о Джами, ты на дверях ее оставил
Но, если дом не опустел, она поймет твое признание.

48

Иной себялюбивый шейх, что благочестьем знаменит,
Не святость в глубине души, а ложь и ханжество таит.
Пускай он мнит, что лучше всех святые таинства познал,
Их смысл с начала до конца от разума его сокрыт.
Завоевать стремится он сердца доверчивой толпы,
Зато навеки от себя сердца достойных отвратит.

Он расставляет сети лжи, но помешай ему, аллах,
Иначе наше счастье он, как птицу, в клетку заточит.
А нищий старец — как он мудр! Пир для души — беседа
с ним,

Из чаши святости своей он и пророков напоит.
Из книги выгод и заслуг он имя вычеркнул свое,
Зато тетрадь его души немало добрых дел хранит.
Джами, бессмысленным скотом пускай считает разум
твой
Того, кто мудрецов таких не чтит и не благодарит.

49

Взор твой дерзкий сеет бурю среди гурий Туркестана,
Эти очи грабят турок и таджиков грабят рьяно.
Лица твоего нежнее не найти тюльпана в поле,
Стана твоего стройнее не найти в саду платана.
Спел мутриб о виноцветных лалах губ твоих, и песня
Лакомством привычным стала на любой пирушке пьяной.
Как ты сладостна! Наверно, из сосков, тебя кормивших,
Вместо молока сочился чистый мед благоуханный.
Как хитра ты! Меч вонзая, не себя винишь, а руки:
Меч подъявшие, мол, сами грех замолят покаянно,
Не могу я жить поодаль от любимых губ. О боже,
Или смерть пошли мне, или дай вкусить мне плод
желанный!

У Джами пустые руки, лишь в устах мольба о благе.
Не беги, благополучный, тех, кто страждет постоянно.

50

Вешний ветер с розы дикой покрывало сбросил смело,
Тут явились винопийцы, и пирушка зашумела.
А вокруг тюльпанник вырос — это, розами любуясь,
Вмиг толпа тюльпаноликих на лужайке заалела.

«В дни цветенья роз прекрасных трезвости зарок
непрочен» —

С этим мудрым изречением соглашаюсь я всецело.
Не окажутся ли ринды — развеселые бродяги —
Праведней благочестивцев, чья душа окаменела?
Не у тех, кто ниже четки, ты жемчужину отыщешь,
Ибо раковиной служат ей ладони винодела,
Соловей, над робкой розой не кружи — таких ститальцев
Толпы здесь прошли и скрылись из цветущего предела.
Только нежно, будто строчки дружеского их привета,
Под кустом багряным травка для тебя зазеленела.
В нераскрывшемся бутоне запечатано посланье
От израненного сердца, что любовью пламенело,
Жжет тоска Джамии, и пламя не залить слезами... Ливнию
Не отмыть тюльпан, чье сердце от ожога потемнело.

51

Я не участвую в пирах не потому, что я аскет:
Не шумным радостям пиров, а горестям принес обет.
Нет, недостоем и атлас царя устлать дорогу к ней!
Всевышний, рвани дервиша не дай напасть на этот след!
О дерзкая! Ты не стыдись своей привычки мучить нас —
Привык: не обижаться тот, кто верою в тебя согрет.
Молитва у меня одна: «Моя царица красоты
Да будет век ограждена от злого умысла и бед».
С терпением и рассудком я был связан узами родства,
Но навсегда с родней порвал, когда любви увидел свет.
Пришел нейсан, и мутных вод потоком залит этот дом:
От сердца слезы поднялись к глазам, у них кровавый
цвет.
Пусть чарой обнесут Джамии! Одну лишь сердца кровь
он пьет.
Другого красного вина для сердца раненого нет.

Уехала моя подруга. Дойдет ли к ней мой зов?
 Я кроме утреннего ветра найду ли к ней гонцов?
 Я вправе ли писать ей письма, чтоб именем моим
 Она могла украсить список своих покорных псов?
 Сказала, душу отнимая: «Уста отдам взамен».
 И вот, со мной не расплатившись, ушла в конце концов.
 Я зерна слез моих напрасно разбрасывал всю жизнь!
 Голубка нежная бежала от всех моих силков.
 О, научи меня, охотник, как заманить газель,
 Дабы желанную добычу принес мне долгий лов!
 Я грубым жаром возделенья был сотни раз сожжен,
 Доколе ждать мне приближенья к сопернице цветов?
 Джамы, не спрашивай: «Откуда весь этот пьяный бред?»
 Ведь кубок мой из хума страсти наполнен до краев.

Учитель, до каких же пор с зари и дотемна
 Моя газель должна все дни быть в школе пленена!
 От свежей зелени дуга сверкают, как парча,
 Дай отдохнуть ей, с нами пусть побегает она.
 Зачем еще, чему ее ты хочешь научить,
 Когда с рождения она была умудрена.
 Куда ни ступит — зазвучит молитвой за нее
 Сердечный возглас: «Боже! Как умна, ловка, стройна!»
 Да только губ ее вино, увы, запрещено.
 Ходжа, без милости такой нет вкуса у вина!
 Вчера я дал себе зарок не помышлять о ней,
 Но понял, увидав ее, что клятва неверна.
 А у Джамы от этих губ душа кровоточит,
 Как чаша кровью — до краев душа его полна.

Все здесь: и сад, и блеск ручья, и вот он — кубок для
 вина,
 Встань, кравчий, здесь запретов нет, немислимо не пить
 до дна.

И если в келье у себя старик молитвой упоен,
 То я — вином. Со мной оно, им упиваюсь допьяна.
 К губам ты чашу поднесла, — я ж в упоенье не пойму,
 Что это? Алость губ твоих? Иль просто чаша так полна?
 В силлок густых твоих кудрей попала не одна душа,
 Колечком зульфа твоего душа, как птица, пленена.
 Не стоит обнажать клинок, чтоб сердце надвое расщечь,
 Тебе достаточно разок взглянуть — и жертва сражена.
 Ты искушенным не толкуй о высших тонкостях любви,
 Простые люди тут, зачем им говорить: «Любовь сложна!»
 Джамми тобою опьянен, забыл вино и кубок он,
 И ни к чему они ему. Здесь при любви — сама она!

Ну, кравчий; колесо небес пошло, как пожелали мы.
 Дай блеска солнцу, свет его увидим хоть в бокале мы!
 Неси же алого вина, давай его сюда скорей.
 Покорен нам небесный Рахш, коня времен взнуздали мы!
 И той тюрчанке поднеси одну-две чаши, пусть спьяна
 Воздаст судьбе за муки те, что в жизни испытали мы.
 В источник сада красоты вернула вновь поток воды
 Та, стан которой — как туба, чью гибкость увидали мы.
 Взыграла попугай — душа и заблестала, как павлин,
 От фарра птицы Хумаюн, что в сеть свою поймали мы.
 То на закате пью вино, то на заре опохмелюсь,
 Смотри — раденья день и ночь себе в удел избрали мы.
 Джамми, восславив сладость уст, как будто сахар наколол.
 Да не умолкнет песнь души для той, что восхваляли мы.

М У Р А Б Б А

О ты, луна в магических лучах,
Ты войск очарованья падишах,
Не кройся в этих черных облаках,
Сияй всегда на ясных небесах!

Несется резво конь твой верховой,
Когда ты едешь, словно на разбой.
О, сколько душ плененных за собой
Ведешь ты на аркане, в тороках.

Тайком к чертогу твоему приду,
Ланитами к порогу припаду,
Я в свору псов твоих не попаду,
Что прыгают и лают в воротах.

Не уезжай, туранский мой кумир!
День расставанья сокрушит мой мир...
Когда останусь одинок и сир,
Бразды ума не удержу в руках.

Уносит вдаль весенний ветерок
Твой паланкин, как белый лепесток,
И вслед мой стон по тысяче дорог
Взывает в караванных бубенцах.

Из сердца сердце навсегда ушло,
И это непомерно тяжело.
Но я храню твой свет, твоё тепло,
И образ твой живой — в моих глазах!

Бальзама мне для исцеленья нет,
Скорбям разлуки утомленья нет,
К делам земным во мне стремленья нет.
А ты? В каких пируешь ты садах?

До небосвода я подъямлю стон,
Потоком слез кафтан мой орошен.
Тебе открыт я! Что же я лишен
Вниманья друга, брошенный во прах?

Смирись, Джамии, в безмолвии страдай,
Как звонкий руд, вседневно не рыдай,
Погибшую любовь не призывай —
Забвенья мук ты не найдешь в слезах!

К Ы Т А

1

Невежда, всезнаньем хвальныйся, ты покажи
Сначала на личность, пустым потряси кошельком!
Что знает о трапезе Иисуса осел,
Засунувший морду в глубокую торбу с овсом?

2

Я поднял выю помыслов высоких,
Освободившись от ярма стяжанья;
Презрел богатства власть. Мне светит бедность;
Пред ней, как ночь пред солнцем, тьма стяжанья.

3

Джами, ты ворот жизни спас из лапы бытия,
Но не схватил рукой подол того, что алчешь ты,
Погибло шесть десятков лет. Закинь же невод свой,
Чтобы с уловом он пришел всего, что алчешь ты.

4

Ты дружбы не води с людьми глупей тебя,
Достойнейшим всегда внимай, благоговей.
И сам не докучай тем, кто мудрей тебя:
И мудрый хочет быть с тем, кто его мудрее.

5

Когда тебя встречаю, каждый раз
 Я слезы лью и становлюсь незрячим.
 Ты — свет, ты — боль моих поблекших глаз:
 Когда у нас глаза болят, мы плачем.

6

Не свиток стройных строк здесь развернул Джами,—
 Я скатерть расстелил, я подражал отцам.
 Здесь все найдешь,— все, что найдешь, возьми.
 Здесь только нет хвалы глупцам и подлецам.

7

Глушцов и подлецов, о ты, мой юный друг,
 Во имя благ мирских не восхваляй беспечно.
 Мы блага обретем и выпустим из рук,
 А их цена — позор — останется навечно.

8

Сравню ли я с небесною луной
 Лицо земной луны — моей любимой?
 Гляжу я на лицо луны земной,
 Оно милей небесной несравнимо.

9

Разочарован я: порядочных людей
 Не вижу наяву, не вижу в сновиденьях.
 От солнца жарким днем я в тень спешу скорей:
 Мне не жара страшна, своей боюсь я тени.

10

Джами, есть люди, чья душа подобна вещи птице,
К ограничению себя таким стремиться надо.
Мы чашу жизни жадно пьем лишь в чайнии счастья,
Но и в отчаянии есть особая услада.

11

Привязанностей избегай на скорбной сей земле,
Не будет истинно близка душа ничья тебе.
Едва ли склонности твои с чужими совпадут,
Ну а фальшивые зачем нужны друзья тебе?
А сыщешь друга по душе — разлука тут как тут,
Глоток ее напомним вкус небытия тебе.

12

Сталь закаленную разгрызть зубами,
Путь процарапать сквозь гранит ногтями,
Нырнуть вниз головой в очаг горящий,
Жар собирать ресниц своих совками,
Взвалить на спину ста верблюдов ношу,
Восток и Запад измерять шагами —
Все это для Джами гораздо легче,
Чем голову склонять пред подлецами.

13

Джами, раз не находится живых людей на свете —
Блаженны мирно спящие, им предназначен рай.
Осталась пыль на площади от тех, кто шел за правдой,
Но время пыль развеяло, пустым стал отчий край.
Я вижу поколение, что в мастерской науки
Не просверлило щелочки, хотя бы незначай.

Впились шипы колючие в имеющего сердце,
Ростки увяли хрупкие, едва увидев май.
Чего ж ты обижаешься, талант свой видя скрытым,
А недостатки явными, и слыша злобный лай?!
Не придавай значения неверному решению
И подлинно хорошее плохим не называй.

14

Джами! Пришел ты в этот мир прекрасный, но чужой
С пытливым разумом своим и пылкой душой...
Никто адабу с детских лет не обучал тебя,
Достиг ты милостей судьбы, нелегкий труд любя.
Богатством пламенных стихов теперь ты знаменит...
Беда ль, что золото в твоём халате не звенит?
Им люди так спешат прикрыть любой разврат и зло,
Что, я уверен, друг, тебе отменно повезло:
Ведь черный ураган беды, что видел ты не раз,
Мог жизни слабый стебелек втоптать в любую грязь...

15

Не забывай, кто б ни был ты, что матерью рожден,
Что теплым молоком груди был в детстве напоен,
Что в час напасти и беды, терзаясь и томясь,
Она, как рыба без воды, душой к тебе рвалась...
Всю жизнь с начала до конца в дар принесла тебе
И словно вещая звезда она в твоей судьбе.
Ты мать родную защити! Всю славу и почет
Сложи ковром на том пути, каким она пройдет.
Стань пылью ног ее скорей и путь ей облегчай...
Ведь ноги наших матерей идут дорогой в рай!

16

Я вижу, ты пришел ко мне с лепешкой зачерствелой;
 С почтеньем держишь ты ее, склоняясь главою белой.
 Лежит в шатре твоём пирог, пропитанный слезами,
 Его ты разжевать не смог истертыми зубами...
 А помнишь юности года, то время золотое,
 Когда ты кость перегрызал зубами, как пилою?

17

Бродячий мусорщик, ничтожный золотарь,
 Над смрадной бочкой наклонив чело,
 Сказал раздумчиво: «Небесный государь!
 Почетным кажется мне это ремесло...»
 Подслушав те слова, напыщенный юнец
 Ответствовал не в шутку, а всерьез:
 «Мы — сливки общества! А твой удел, глупец,
 Мести за нами выпавший навоз...»
 — «Согласен,— молвил тот без ложного стыда,—
 Но ремесла менять я не хочу.
 Мой труд для всех необходим всегда:
 Ведь сливки тоже превращаются в мочу...»

18

Пять важных правил в жизни соблюдай,
 И на земле увидишь светлый рай:
 В делах мирских не возмущай покой,
 Зря не рискуй своею головой,
 Здоровье береги, как редкий клад,
 Живи в достатке, но не будь богат,
 И пусть приходит разделить досуг
 К тебе надежный и сердечный друг...

19

Запомни крепко, друг, что правят в этом мире
 Небесный звездный круг да в нем — число четыре.
 Извечна на земле явлений кривизна:
 Зима да лето, осень да весна...
 Печаль разлук людских сменяет радость встреч,
 Поэта мирный стих — войны кровавый меч.
 За ночью неизбежно день настанет,
 А жизнь появится — вослед ей смерть нагрывает...

20

Мне жалок этот мир! Здесь все к добыче льнет...
 Никто задаром и рукой не шевельнет.
 Но покажи кусок, и вмиг издалека
 К нему протянется дрожащая рука,
 За ней — еще одна, вот их сомкнулся круг...
 И очутился ты в объятьях жадных рук!

21

Смерть — словно вечный сон, миг пробужденья —
жизнь...
 Сон этот сладостен — за жизнь ты не держись.
 Жди ночи, как дитя, жди утра, как старик, —
 И встретишь радостно ты свой прощальный миг!

22

Любовь, как благодный родник, из глубины веков
 Течет... И каждый хоть на миг
 К нему припасть готов.
 Но в этой жажде вековой различьям нет конца,
 Как между страстью роковой и похотью глупца...

23

/ Всевышний задал мне загадку,
 Но в ней я разобраться смог:
 Бывает солью сахар сладкий,
 А соль — как сахарный песок...
 Ты в жизни многое хлебнешь,
 Пока в ней истину поймешь:
 Уж лучше выпить горький яд, но свой,
 Чем лобызать медовый зад... чужой.

24

/ Кто, словно раб, на поводе у жадности своей,
 Тот может угодить в беду и подвести друзей.
 Ведь рыбка плавает, пока
 Не выйдет резвой срок:
 Проглотит жадно червяка,
 А вместе с ним — крючок...

25

Случается, кувшин с вином
 Нетрезвая рука
 Швырнет вдруг в иступленье злом
 На камни погребка...
 К чему здесь возмущенный крик,
 И брань, и суета?
 Кувшин не склеить хоть на миг
 Слюною изо рта...

26

Однажды каменщик невежде строил дом.
 Хозяин приказал: «Строй прочно, чтобы в нем
 Всю жизнь не ведать мне лихих забот!»
 Прослышав те слова, прохожий у ворот

Заметил: «Дом твой — словно наша жизнь:
Он слаб ли, крепок — велика ль корысть?
Все из воды мы слеплены и праха,
Все перейдем туда, откуда мы взялись...»

27

Пройдут года... И вот настанет срок,
Когда ты старость впустишь на порог.
Живи, как подобает старику:
Не гладь морщины, не румянь щеку...
Поверь, что в старости почетней быть седым,
Любовь и шалости оставив молодым...

28

Свои стихи я как-то раз писцу отдал.
Искусным почерком он их переписал,
Обвел орнаментом, везде проставив точки,
Да вот беда — ошибки в каждой строчке...
С досадой принялся я править этот труд,
Дивясь обилию огрехов там и тут.
Всю красоту, что он изобразил,
Я скверным почерком своим перечертил...

29

Почтенный старец в целях назиданья
Поведал притчу мне о пользе бани...
Однажды раб, намыливая спину
С усердием примерным господину,
Вдруг возопил: «Пускай твой острый разум
Разрубит цепь моих сомнений разом!
Ответь мне! Вот приходим мы сюда,
Нас мучают заботы и нужда...

Но лишь мы дверь в предбанник отворяем,
Как все невзгоды напрочь забываем.
Откройся же рабу, в чем здесь секрет?»
Хозяин молвил: «В том секрета нет.
Будь раб ты или царь, но в мир пришел нагой...
Когда вступаешь в баню ты ногой,
Вмиг все дела мирские забываешь —
Их вместе с мыльной пеною смываешь.
Ты мыслишь здесь лишь об одном с опаской:
«Не обронить бы с бедер мне повязку!»
Хоть та повязка мокра и легка,
Но отличишь раба в ней от царька.
А без нее (простит меня всевышний!)
Мы все — как пыль с одной цветущей вишни...»

Читателю — совет: ты в баню поспеши!
Смывает грязь она и с тела и с души...

30

Когда ты попадешь ногой в змеиную нору,
Здесь милосердье, дорогой, и жалость — не к добру.
Не жди шипения змеи, не верь ее слезам...
Немедля гадину дави, не то погибнешь сам!

31

Хвалиться попусту, друзья,
Глупей, чем ночью темной
Искать следы от муравья
Во мху скалы огромной...
Но в тайники души моей,
Я вам признаюсь прямо,
Забраться будет потрудней,
Чем вырыть носом яму...

Р У Б А И

1

Как может тебя увидавшее око
В разлуке от слез не ослепнуть до срока?
Хоть сам я живу без тебя, удивляюсь
Тому, кто живет от тебя так далеко.

2

Моя любимая — о, страшный час! — уходит,
Из рук подола вырвавши атлас, уходит.
Кровь хлынула из глаз, из жил бежит... О боже,
Уходит из души все то, что с глаз уходит.

3

Сердце расплавил пламя в полный накал.
Думал я выиграть счастье — жизнь проиграл,
Понял: тебя я не стою, жалок и мал.
Сердце смирилось и разум спорить не стал.

4

Побледнел шиповник щек от лихорадки,
Губы обметало, кудри в беспорядке,
Спишь ты словно око. Я же в изголовье —
Брови тетивою — сон храню твой краткий.

5

Обращался я к аллаху от страданья по тебе,
Рвал терпения рубаху от страданья по тебе,
Натерпелся боли, страху от страданья по тебе.
Проще: стал подобен праху от страданья по тебе.

6

Глазам была видна ты, а я не знал,
 Таилась в сердце свято, а я не знал,
 Искал по всей вселенной твоих примет,
 Вселенною была ты, а я не знал.

7

День прошел в размышленьях о том, что все прах. Увы.
 Ночь прошла в сожаленьях о яви и снах. Увы.
 Миг один этой жизни дороже вселенной всей,
 А она зря прошла в бесполезных мечтах. Увы.

8

Спешил я приукрасить другим под стать себя,
 Не ближних за терпенье — хвалил опять себя.
 Когда ж узнал в разлуке, где спешка, где терпенье,—
 Тогда, хвала аллаху, я смог познать себя.

9

На дереве терпенья плод — не диво.
 Знать, что разлуки срок пройдет,— не диво:
 Уж если сердце отдано любимой,
 Отдать ей тело в свой черед — не диво!

10

Ты — целый мир очарованья, а я — твой пленный
воробей,
 Попавший в сети обаянья всей нежной слабости твоей.
 Ты привяжи меня, как птицу, тесьмы индийской
не жалея,
 Держи тесьму. И сам вернусь я; плен мне свободы стал
милей.

11

Одиноко я плачу в ночи, а когда заалееет восток,
 Молча ворот терпения рву, как бутон разрывает цветок.
 Может, юной розы росток, только выросший из земли
 Мне о розе весть передаст, чей последний сон так глубок?

12

Четырнадцатилетняя луна, кого сравню с тобой?
 С четырнадцатидневной луной равна ты красотой.
 Да не постигнут красоту твою ущерб, закат глухой!
 Четырнадцатилетней будь всегда, будь навсегда такой!

13

Тоска по тебе унесла столетнюю радость мою.
 Я в сердце печали печать, как в чаше тюльпан, утаю.
 Когда же я в землю сойду с душой, сожженной тобой,
 Из сердца тюльпан я взращу и ветру свой стон изолью.

14

Ты вздохам горестным моим учись внимать, о сердце,
 В пути далеком мы должны ровней дышать, о сердце,
 А всех не помнящих добра, презревших правды свет,
 Забудь, коль можешь! Нам таких не надо знать, о сердце!

15

Сердце сжалось от обиды, петель стало в знаке «мим»,
 Сделалось под гнетом злобы точкой малой в знаке
 «джим».
 Где укрыться от напасти, если все, что было целым,
 Разломаясь, как в «лам-алифе», знаком сделалось
 двойным?

16

Глаза твои — палачи, что гнали нас на убой,
 Не в трауре ли по нас оделись синей сурьмой?

Ошибся я! Это в саду твоей красоты расцвели
Нарциссы темных глаз в лилейной кайме голубой.

17

Когда тебя от головы до пят
Сожжет прекрасный, но неверный взгляд,
Пей, как вино, кровь собственного сердца,
Глотай, как сладкий сахар, горький яд.

18

О милая, взгляни, как мир красив,
Вот строки трав легли на свитки нив.
Весна, как ученик, мелком зеленым
На поле учится писать «алиф».

19

Я клялся верным быть, но верным быть не мог.
Ты прогнала меня, теперь я одиноко.
Ты сетуешь, а я главу посыпал прахом,
Из-за твоих причуд я клятвой пренебрег.

20

Обретшему бальзам не задавай вопрос,
Какие муки он познал и перенес.
Ты слушай мудрецов и, виноград вкушая,
Не спрашивай о том, в каком саду он рос.

21

Подруга Севера, луна, сияя в небесах,
Следы любимой озари, дороги серый прах.
А если спросит про меня, живущего в дали,
Ответь: «Измучился поэт и от любви зачах!»

22

Твоя печаль огнем мне сердце жжет,
Я обожжен на сотню лет вперед.
Придет пора, и на моей могиле
Мак огнецветный жарко расцветет.

23

Сказал я сердцу: «Дай передохнуть!
Я истомлен, далек мой трудный путь.
Сумей суровым быть с неблагодарной,
С той, что смогла поэта обмануть!»

24

Я без тебя поднес бокал к губам,
Вино я пью с печалью пополам.
Ты черным взором дни мои смутила,
Расстались мы — конца нет черным дням.

25

Кто силу знания отверг, тот обделен умом,—
Он счел, что сущее кругом — обманчивый фантом.
Но если этот зримый мир — воображенья плод,
Как с вечной истиною быть, вне нас живущей в нем?

26

Мой день прошел в тоске и маете.
Я горевал в вечерней темноте,
О том, что жизнь, мгновенье за мгновеньем,
Я промотал в никчемной суете.

27

В огне страстей дотла я сердце сжег.
Искал я тщетно, годы не берег.

Лишь под конец, вниманья недостойный,
Истерзанный, пришел на твой порог.

28

Беда тому, чье сердце оскудело,
Кто разлюбил, чья роза облетела.
Ты говоришь: «Дозволь уйти!» О, небо!
Кто разрешит душе покинуть тело?

29

Когда весною, благостью небес,
Цветы покроют и поля и лес,
Я на могильный холм приду в надежде,
Что образ милой в лилии воскрес.

30

Мир наш светом наполнен во все времена,
Человеку в нем радость прозренья дана.
Но его жадный разум постигнет лишь малость —
Только отблеск над бездной без края и дна...

31

Дышит пламенем солнце в безбрежной ночи
Диск луны от него забирает лучи;
Звездный свет по природе своей бесконечен,
Но извечен и мрак — в этом мудрость ищи!

32

Во вселенной парит первородная мгла...
Вспыхнет лучик сознания, и жизнь потекла
Через призму сверкающего разноцветья;
Судит разум о солнце по цвету стекла.

33

Некто задал вопрос: «Можно ль видеть творца?»
Я ответил: «Начала в нем нет и конца...
Для одних он — вселенная в вечном движенье,
Для других — жалкий образ чужого лица».

34

Бог всезнающий милость к тебе проявил:
Сто заветных дверей пред тобой отворил.
Только двери в свой мир показать отказался,
Чтобы лоб ты случайно о них не разбил...

35

В бренном мире ты истины не обретишь,
С грузом тяжких сомнений в могилу сойдешь.
Знай, что истина неизреченной пребудет;
Слово — только мираж, а мираж — это ложь!

36

Люди разным пророкам молитвы творят,
Люди зло совершают и благо дарят.
Все деяния их так похожи на хворост
Для костра, на котором они же сгорят.

37

Жадность губит людей и пороки плодит,
Всяк богатство умножить свое норовит,
Забывая, что в жизни он просто песчинка:
Смерть подует, и прахом он будет покрыт.

38

Море тяжело вздыхает — клубится туман —
Из тумана рождается туч караван;

Вот они обнялись, с неба слезы роняя...
Вновь дождливый поток морю скорбному дан.

39

Вы, как свиньи, в безделье живете, томясь,
Либо молитесь, кары небесной боясь.
Оглянитесь кругом... Мир так чист и прекрасен!
Вы же видите в нем только похоть и грязь...

40

Нить бесценную жемчуга держишь в руках,
Берегись, чтоб она не рассыпалась в прах...
Жизнь твоя — это нить. Жемчуг меряет время.
Мудрый тратит его лишь в достойных делах.

41

В мире скорби, где правят жестокость и ложь,
Друга преданней книги едва ли найдешь...
Затворись в уголке с ней — забудешь о скуке,
Радость истинных знаний ты с ней обретешь.

42

Я попал, словно жертва греховных затей,
В эту затхлую жизнь и томлюсь, как злодей.
Эй, палач! Я в последнем желании волен?
Дай же мне умереть, дай уйти от людей!

43

Каждый день приближает к могиле наш путь;
Жало смерти пронзит наболевшую грудь,
Даст просвет для души — ей к свободе дорога!
Труп же хладный зароят в земле где-нибудь.

44

Эй, Джами! Ты родился из чаши вина?
Значит, гибель тебе от него суждена.
Сядь покорно и жди на ступеньках подвала,
Пей любовный напиток до самого дна!

45

Мой ходжа! Ты в молитвах ликуешь, скорбя,
Все мирские грехи ты взвалил на себя.
Слишком тяжек твой груз? Оттого нам не легче.
Сбрось на землю, не то он раздавит тебя!

46

Мне в подарок ходжа самбусу отослал.
Ты явилась, с губами как пламенный лал,
Села рядышком в тень. Поднесла мне кусочек.
Лишь отведал его — снова юношей стал...

47

На глазах твоих ярких слезинки дрожат,
На щеках твоих жарких — тюльпанов пожар...
Тайна жизни моей, сбрось свое покрывало...
Всю себя покажи, как божественный дар!

48

Ты уходишь — я плачу, как ветер в грозу,
Ты приходишь — смеюсь, вытирая слезу...
Знай, любовь моя вечная и молодая,
Жив иль мертв — на коленях к тебе доползу!

49

О судьба! Мне законов твоих не понять;
Словно буквы, ты в строчки нас любишь сгонять...

В жизни делал я все, что мечтал бы не делать,
Так верни же хоть то, что успела забрать!

50

Где истина? Где ложь? Все — шелуха одна...
Под нею спрятан плод. В нем суть заключена.
Разрежь его смелей и поднеси ко рту:
В нем сердцевину ты познаешь — доброту!

51

Извечен в мире корень доброты,
Приносит в дар он щедрые плоды...
Кто в сердце к ближним нежностью богат,
Он для людей — надежный друг и брат.

52

До той поры, пока жестокий вождь
Вновь помышлять о войнах не устанет,
И день и ночь идти кровавый дождь
На головы людей не перестанет...

53

✓ Ты хочешь знать, кто лучший из людей?
Послушай голос совести моей:
Из лучших первым будет назван тот,
Кто постоит в беде за свой народ.

54

Мир нравственных слепцов безмерно жуток;
Так и не приняв жизни волшебство,
Они спешат едой набить желудок
И молят свет во здравие его.

55

Крестьянский труд — основа всех забот;
Зимой и летом пот крестьянин льет.
Но если пашню пот не окропит,
Судьба нам голод и беду сулит.

56

Ветвь дерева с тяжелыми плодами
Земле свой низкий отдает поклон...
Ветвь дерева бесплодная годами
С мольбой глядит на синий небосклон.

57

Придет пора, и дар небесный — туча
На землю страждущую выльется дождем
И розу пышную и чахлую колючку,
Как мать, укроет голубым плащом.

58

Дыханье жарких слов — от пламени любви,
Мерцанье всех миров — от знамени любви;
Пусть плачет сердце и в глазах роса,
Но зов любви услышат небеса!

59

Как сладка музыка признаний соловья!
Как опьяняет он весной цветущий сад!
Но песнь его поймет, уверен я,
Лишь роза, в чей влюблен он аромат...

60

Я в чудесах мирских познал изрядно толк
И ложь от правды различаю тонко.

Вот чудо из чудес — когда голодный волк
Вдруг пощадил заблудшего ягненка...

61

Тот, кто однажды к чаше сладострастья
Припал и осушил ее до дна,
Навеки будет у нее во власти:
Он — раб смиренный этого вина...

62

Однажды нищий задал путнику вопрос:
«Зачем ты с чужаком так искренен и прост?»
Промолвил тот: «Он — тюрк, я — таджик,
Но общей веры нас роднит язык».

63

Имущество ходжи — верблюды с палаткой...
В пути сухарь ему — что финик сладкий,
От зноя высох как скелет его верблюд,
А пауки в его палатке сети ткнут.

64

✓
Терпенье всем приносит сладкий плод,
Терпенье к благоденствию ведет;
Ты в жизнь вступишь... Учись же с колыбели
Быть терпеливым... и достигнешь цели!

65

Ханжа кривит в тупой улыбке рот,
И взгляд его блуждает, как в тумане;
Он человеком быть перестает,
Он приближается по виду к обезьяне...

66

Когда вступаешь ты на путь науки,
Всегда трудись за совесть — не за страх,
Иначе скорчишься, как червь, от скуки
И прослывешь... в ученых дураках.

67

Бывает, по следам преследуешь ты зверя,
И вдруг вблизи пересечет он путь;
Мечи в него копьё, пока глазам не веришь,
Не стой в раздумье — надо ли метнуть?

68

Эй, ходжа благочинный! Прими мой совет:
Прежде чем свою проповедь хочешь начать,
Убедись, будут слушать тебя или нет:
Если нет, так не лучше ль тебе промолчать?

69

Эй, ходжа! Ты в щедротах своих так высок,
Что не лезет мне в горло твой жирный кусок.
Сам ты слопал барашка — ни много ни мало:
Что на блюде лежало, все в брюхо попало.

70

Кто языком зазря болтать привык,
В том не найдешь ни смысла ты, ни прока;
Обвитый сплетнями, как змеями, язык —
Пособник человеческим порокам...

71

Встречались женщины тебе, чей властный нрав
Не признает чужих деяний, слов и прав?

**Их языки длинны и так болтлива речь,
Что пресечет их только острый меч...**

72

**Ты слаб становишься, Джамии, от жизненных потерь,
В кругу веселья молодых скучаешь ты теперь.
Суров судьбы круговорот — настал и твой черед
Навстречу старости своей открыть с поклоном дверь.**

Ф А Р Д Ы

недолог путь наш по земле, тернист его покров...
Но слышен каждому во мгле добра извечный зов.

* * *

К лазурным солнечным лучам ведет дорога всех,
Будь в жизни честен, смел и прям — и ждет тебя успех!

* * *

Небесный свод горит светло, и путь он освещает
Тому, в чьем сердце дышит зло и кто добро вещает.

* * *

Смерть постучится в каждый дом однажды в одночасье,
Но смысла нет скорбеть о том: судьба щедра на счастье.

* * *

Надежду — солнечную нить — на счастье люди ткут;
Сумеешь лучик сохранить — удачи дни придут.

* * *

Не вызывай людей на бой за каждый грош:
Кусок лишь савана с собой в могилу заберешь...

* * *

Простой крестьянина завет я помнить буду рад,
Что винограду сок и цвет дает лишь виноград.

* * *

Коль знаньем овладеть ты смог, дари его другим;
Костру, что сам в душе зажег, не дай растаять в дым!

✓
* * *

Не по земле, а по коврам гордец решил ходить;
Не знал он только, что и там лоб можно расшибить.

* * *

Людей подводит нрав дурной, а добрым поведением
Того достигнешь, что иной не купит и за деньги.

* * *

Сползает с горных ледников сиреневый рассвет,
Но спящий грезит в мире снов, покоем он согрет.

* * *

Доносит запах цветников зефир при лунном свете,
Но спящему в объятье снов неведом этот ветер.

* * *

Спроси ханжу, что в смертный час святошей стать
решил:
Ответь, любезный, кто из нас при жизни не грешил?

* * *

Добро безмерно, как вода бездонного колодца;
Будь добрым к людям, и всегда добро к тебе вернется.

* * *

Источник с горькою водой тебя не напоит,
Глупец с седою бородой тебя не вразумит.

/ * * *

Сокровища не обретишь без горя и без муки,
Бутона розы не сорвешь, не оцарапав руки...

/ * * *

Все, что в душе твоей хранится и доброго и злого,—
Все может ближнему открыться волшебной силой слова.

* * *

Крупинка малая — алмаз, но в нем цветов игра;
Милей он для души и глаз, чем из камней гора.

* * *

Любого встречного в пути в знакомцы не бери,
С любим знакомым не сиди до утренней зари...

* * *

Не тот мужчина, кто бренчит набитым кошельком,
Мужчина тот, кто знаменит отвагой и трудом.

* * *

Небрежно сделаешь свой труд — хвалу не обретишь;
Сырой попробуешь халву — болезни наживешь!

* * *

Как облако — дождем добра ты напои людей,
Пока цветет твоя пора, лишь для людей радей!

* * *

Начнешь с горою говорить — услышишь только эхо;
Не поленишься знак зарыть — пожнешь зерно успеха.

* * *

Не будь невеждой, не сиди на шее у отца,
Трудом и знаньем превзойди любого молодца!

* * *

Пускай дурной молвы печать твой дом не потревожит;
Ты злом на зло не отвечай — оно лишь горе множит.

* * *

Свободно ты живешь иль раб, прими совет один:
Без знаний ты как муха слаб, со знаньем — властелин!

* * *

Чтоб этот бранный мир земной не омрачила мгла,
Будь путеводной всем звездой, сожги себя дотла!

✓ * * *

Благословенны станут те, в ком нет огня раздора;
В труде, и в счастье, и в беде им добрый нрав — опора.

* * *

Коль честен в жизни будешь ты, то, вопреки наветам.
Спасешься от лихой беды в греховном мире этом.

* * *

Ты хочешь, чтобы каждый день твой стал длиннее ночи:
Трудись! Гони дремоты лень, и станет ночь короче.

* * *

Подобно кожаным ножнам для человека тело;
Душа в них — меч, и лишь душа в бою решает дело.

* * *

Лишь тот в делах своих подружится с удачей,
Кто пользу видит в них, а от невзгод не плачет.

* * *

Для бранных и гневливых фраз не отворяй уста;
Губам людей противна грязь, полезна чистота.

✓ * * *

В неожиданных горестях, пойми, ты виноват лишь сам;
Их корень кроется в любви к бездумным словесам.

* * *

Когда о подданных своих правитель не радеет,
Он по миру пускает их, а трон его слабеет.

* * *

**Венец дерзания и помыслов заря — наука!
Ключи познания к воротам бытия — наука!**

* * *

**Когда из тесной клетки ты отпустишь в небо птицу,
Она с лазурной высоты к тебе не возвратится...**

А Ф О Р И З М Ы

Когда наставника с тобою рядом нет,
Густым невежеством окутан свет.

* * *

Кто не верен дружбе, тот —
И на злодеяния пойдет.

* * *

Свалилось горе на голову вдруг,
Но не беда, коль рядом верный друг.

* * *

Кто помыслов великих полн —
Снискал делами славу он.

* * *

За друга жизнь отдай смелей,
И отличать от недруга сумей.

* * *

✓ Дал слово верности — служи,
Неверность выбрось из души.

* * *

✓ Сбрось с сердца жадности тяжелый выюк,
Из-за нее глотает щука голый крюк.

* * *

Со встречным каждым не ищи ты дружбы,
От друга каждого не жди ты службы.

* * *

Когда, решившись говорить, откроешь рот.
О результатах ты подумай наперед.

* * *

Коль птица вылетит из клетки,
Обратно не воротишь с ветки.

* * *

Знай: слово — говорят — не воробей,
Его поймать потом трудней.

* * *

Мудрец давно в земле сырой,
А мысль течет строкой живой.

* * *

Свечою будь, что столько лет,
Сгорая, людям дарит свет.

* * *

Будь облаком, что льет блага
На горы, розы и луга.

* * *

Учтивость — лодка в море, ярость — шторм,
А мудрость — рулевой на судне том.

* * *

Невежество — есть ураган, гроза,
Что засоряет мудрости глаза.

* * *

Используй в деле знание, что припас.
Чтобы зажженный факел не погас.

* * *

✓
Есть время для игры, а есть для дел,
Гордись собой — ремесла твой удел.

* * *

Ты к знаниям стремись, велик твой путь,
Не проводи и дня впустую — в этом суть.

* * *

Достоин сам величия — Джами дает совет,
Не превзнесет отца авторитет.

* * *

Постичь науку торопись,
Развеять скуку торопись.

* * *

Завершена когда учителя порука,
То дальше поводишь — сама наука.

* * *

✓
Ремесел и наук опора — знанье,
Ключ к любым запорам — знанье.

* * *

Постигни знаний и науки суть,
А от невежества подальше будь.

* * *

Цена твоя не в золоте и серебре,
А в знанием накопленном добре.

* * *

Коль без любви — не назовешь душой,
А тело без нее — вода да глины слой.

* * *

Когда любовью пущена стрела,
Ни щит, ни меч не защитит тела.

* * *

Сказали метко мудрые о том,
Не скрыть любовь и благовонья под замком.

О Т Р Ы В К И И З П О Э М

ДАР БЛАГОРОДНЫМ

О СОВЕРШЕНСТВЕ СЛОВ,
ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ КОТОРЫХ
СЛОВА НЕСОВЕРШЕННЫ

Перо рождает слово, а само
Все тем же словом произнесено.
Посредством слова слава оживала,
Снимала слово с тайны покрывало.
Без слов живых и песнь мертва,
Коль выбросишь из музыки слова.
Когда же слово с музыкой сольешь,
Под небом совершенством назовешь.
Дыханье — жизнь, закон живого,
Мысль эту подтверждает слово.
Дыханье — оболочка, слово — то, что в ней,
«Чтоб жить — дыши», — скажи скорей.
Слова разбросаны по небу, по земле —
В печали, радости, добре и зле.
И в воздухе витает масса слов,
Как будто ожерелье жемчугов.
Властитель слов изменит букву слова,
И смысла перлы засияют снова.
И мысль, сокрытая вначале,
В значенье новом зазвучала.

Поэт словами повлечет людей,
И добрых, даже тех, кто злей.
Слова — богатство, злато и каменья,
Их оценить мне трудно, без сомненья.
И если злато, серебро в одной руке,
И если слов добро в другой руке —
Жизнь золотых сокровищ быстротечна,
А слов цена, скажу вам — вечна.
Джами, перед тобою клад,
Сокровищем словесным ты богат.

РАССКАЗ О ТОМ, ЧТО МУЖ СЛЕПОЙ
И О ЕГО ЖЕНЕ УРОДЛИВОЙ И ЗЛОЙ,
И КАК ОНА БАХВАЛИЛАСЬ СОБОЙ...

Была жена слепца нахальна, без стеснения,
Груба, злобна, плохого поведенья.
Лицо — уродливо, все в оспе черной,
Душа ее — темнее ночи темной.
Глуха, с горбом, глаза косые,
Мерзка в молчанье, речи злые.
Капризно как-то, чтоб занять слепца,
Сказала: «Жаль, не видишь моего лица.
Твое всему причина зренье,
От красоты моей ты в неведеньи.
От прелестей моих в тоске луна,
Пред белизною кожи блекнет кость слона.
Глаза-нарцисс, скажу я без обмана,
Жасмины губ красней тюльпана.
Скажу о совершенстве стана беспристрастно,
Тягается со мною кипарис напрасно».
И ложь жены слепца задела,
И кровь в его груди вскипела,
Он говорит: «Коль будет так,
То рухнет наземь неба стяг.

Ведь знают все — и стар и мал:
Слепым не поднесут зеркал.
И вот мои изъяны и потери
Для хвастовства открыли двери.
Ты ложью обросла густой,
Причина в том, что я слепой*.
Джами, коль совершенен сам,
Пусть зрячий обращается к стихам.

РАССКАЗ О СТАРИКЕ, ЧТО, СЕДИНОЙ
ПОКРЫТЫЙ, СТРАСТЬ ОСТУДИЛ СВОЮ
ПРЕД СОЛНЦЕЛИКОЙ, СЛОВАМ
ПОВЕРИВ, ЧТО СЕДА ОНА, МЕЖ ТЕМ
УВИДЕВ ВОЛОСЫ ЧЕРНЕЕ НОЧИ...

С ветрами осень уж летит,
Листву дыханьем золотит.
Стареют на глазах сады,
Что были зелены — желты.
Деревья листьями, ветвями
Пылают дивными цветами...
Жил там старик, его спина
Была годами сгорблена.
Сидел, скучал и думал он
О смысле жизни и времен.
Вдруг осенило старика
Пойти пройтись вдоль цветника.
И перед ним вдруг величаво
Идет молодка, словно пава.
В садах осенних с головой,
Парчой покрытой золотой.
Но только чуть видна была
Коса вороньего крыла.
И словно темной кровью печени,
Хной пальцы рук ее отмечены.

Лишь увидав ее, старик,
Согнувшись вдвое, к ножкам сник.
Сказал: «Открой лицо, моя краса!
Я покорен тобой, о небеса...
На вздох один лишь рядом будь,
О том, что я старик — забудь».
Красавица, раскрыв уста,
Нет, розу, нет, бутончик рта:
«Старик, твоя минула осень,
Напрасно жар ты в сердце бросил,
И, может, нежный скрыл покров
Мою косу белей снегов».
Услышав весть о цвете кос,
Старик притих, к земле прирос.
Зря он крутился, зря юлил,
Не в силах свой умерить пыл.
А девушка, рассветной розы цвет,
Дразня, ему дала ответ,
Тотчас чадру с себя сняла:
Как ночь ее коса была!
«Блеск и краса, — вскричал старик, —
Затмишь собой ты лунный лик,
Пред стариком так лгать зачем?
Терпение его пытаться зачем?»
Ответила красавица: «Послушай, ты,
И брось, оставь желанья и мечты,
Старик, поверь сейчас моим словам —
Что так не любо в жизни вам,
И нам, поверь, не любо тоже —
Зачем же лезть тебе из кожи?!»
Джами, тебе уже за шестьдесят,
А годы все идут, спешат.
Брось думы! Вспомни, молодость прошла,
Подруги верной старость не нашла.

РАССКАЗ О ВОРОНЕ, КОТОРАЯ, ПОДРАЖАЯ
ПОХОДКЕ КУРОПАТКИ, ОТВЫКЛА ОТ СВОЕЙ,
А НОВОЙ НЕ НАУЧИЛАСЬ

Жила была в саду густом ворона,
Которой вдруг наскучила деревьев крона.
Покинуть сад ворона та решила,
И быстренько на луг переселилась.
Избавила тот сад от черноты,
Став черной родинкой зеленой густоты.
Нашлось ей место на лугу,
В веселом полевых цветов кругу.
Тюльпаны-губы нежных дев —
Нарциссы, розы, львиный зев...
На травах влажных от росы
Гуляла птица редкостной красы.
Была та птица куропаткой,
На зелени лугов цветной заплаткой.
Клекочет по утрам, чего-то хочет,
То по горам летает и хохочет.
Прохода не дают перепела,
Не смотрит — к ним судьбина зла.
Нежна у птицы грудка, словно шелк,
В походке и осанке знает толк.
Накидка легкая в два цвета,
На плечи нежные надета.
Сафьяна красного сапожки
Ей плотно облегают ножки.
Легка походка, грации полна,
Не ходит, а плывет она.
Шажки мелки, полны очрованья,
Глядит ворона, затаив дыханье.
Решила все воронье позабыть,
На куропатку ту похожей быть.
Подобную себе увидев в ней

Росли желания в вороне все сильней.
Дня три-четыре на лугу украдкой
Ходить пыталась куропаткой.
Писать старалась средь кустов
Письмом красы ее шажков.
Постичь походки не смогла черты,
Её усилия в движениях пусты.
То, что задумала — не получилось,
Ходить по-новому не научилась.
Забыла все, что и умела,
Оставив все, что и имела.
Джами, хотя чужое и прекрасно,
Тебе порою не подвластно...

РАССУЖДЕНИЕ О ТОМ, ЧТО НЕ СТОИТ ТШЕСЛАВИТЬСЯ МОЛОДОСТЬЮ...

О гордый, с чернотой кудрей,
Ты издеваться над сединами не смей.
У стариков седины — цвета молока,
Любовь детей к нему так велика.
Стальные мускулы, в бой рвешься смело.
Прочна бронь кожи, крепко тело.
Пройдут лета и годы, а спина
Твоя в конце согнется как луна.
Нет, луком изогнется тело,
Душа чтоб тетивой звенела.
Пусть дух и тело занимает дело,
Тучнеет пусть душа, не тело.
Кто худ и строен — путь пройдет легко,
Навряд ли тучный конь ускачет далеко.
Пока не сгорбился в расцвете лет,
За стариками следуй ты вослед.
Хотя бесценных залежей гора полна,
Ведет беседу с тучами она.

Ты к старости, Джамии, почетной не стремишься,
Ты к жизни беззаботной не стремишься,
Не то к своей вершине потеряешь путь,
А в годы молодые — молодости суть.

ЮСУФ И ЗУЛЕЙХА

О СВОЙСТВЕ ЛЮБВИ И О ТОМ КАК ГЛАВНАЯ
ВЕТВЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ К ЭТОМУ ПРИВИТА

Жизнь без любви — даже не пыль — пылинка.
Дрожит над нею как судьба — былинка,
Но пусть любовь — печали всей земли,—
Как хороша земля моей любви.

Пусть страсть в сердцах сама себя не сгубит,

Пусть живо сердце, что брлит и любит.

Ведь страсть и неприкаянность небес,

И мир, в котором правят бог и бес,

Казалось, искалечит — нет, излечит,

Не грусть — огонь в груди увековечит.

И тот огонь нам память осветит.

А память о любви нам возвестит.

Глоток отведавший от чаши этой,

Да, жив Меджнун на том и этом свете!

Но тыщи тех великих мудрецов,

Отворотивших от любви лицо,

Прошли свой путь бесследно и безлико,

Как рыхлый стих без шепота, без крика.

О птицах счастья — вечен их полет,

Народ слагает гимны и поет,

И чувства славит, древен, как преданье,

Им соловей слепой, певец страданья!

И даже в нашей суете сует,

Придет любовь — и нам спасенья нет.

И, видит бог, что в этой круговерти

Бреду за ней в бреду до самой смерти.
С тех пор как повитуха корнем зла
Со страстью пуповину отсекла,
И мать дала мне грудь,— во мне запели
Кровь с молоком в живом и страстном теле.
И если даже я, как лунь, седой,—
В моих сединах отблеск страсти той.
Ведь наших лет любовь не различает,
И колдовства ни в ком не развенчает.
И ты, Джами, от страсти постарел,
Умри от страсти — это твой удел.
Но жизнь сложи в прекрасную поэму,
Которую не одолеет время.
Пусть в ней пера живые завитки,
Как незабудки — памяти цветки,
Услышь их шепот любящий и верный,
Моя душа в них шепчется, наверно.
Опять любви покорен, ожил я,
Как будто бы любовь — ворожея.
И если даст мне бог святые силы,
Чтоб плод познания снова надкусил я,—
Лишь только слово о любви скажу —
Твой ум огнем страданья обожгу.
Лишь небосвод затянет поволокой,—
Любовь во мне заплачет звездооко,
Лишь отыщу святые словеса —
И загрохочут громом небеса.

ЗУЛЕЙХА ВВОДИТ ЮСУФА В СЕДЬМОЙ ЗАЛ

Не дом, а замок тайн, где сквозь покровы
Всеведущий свое продолжил слово.
Вошли в седьмые двери без греха,
И бедная, стенала Зулейха:
«Войди в глаза, глаза мои наполни,
Испепели мой храм молитвой молний!»

Она в гарем ввела его как в храм,
Замки навесив по глухим дверям.
Гарем без соглядатаев и сплетен
Был затемнен, уютен, незаемтен.
И если как-то кто туда попал,
То он, считайте, без вести пропал.
И Зулейха, как верная подруга,
Держа в руке хмельную руку друга.
Пока, как лал, мерцали в ней слова,
Его к своей постели повела.
Упав на шелковые покрывала,
Вдруг зарыдала, а потом сказала:
«Мой стебелек, ну посмотри хоть раз
Любовью и добром лучистых глаз,
Ты солнце, а как будто в злую осень
Серпом луны мой спелый колос скошен.
Ну почему ты так ко мне жесток,
Твой взгляд колюч, как скошен стебелек?!
Так говоря, как повторяя горе,
Она к Юсуфу страсть не переборет.
Но тот другим страданием объят —
Как бы не вышло что. И тихий взгляд
Он опускает вниз, где лишь ковры,
Но и на них обнажены, как львы,
Изображенья тел и их объятий.
И покрывала в стороне, как платья...
Он тут же отвернулся, чтобы впредь
Подумать о другом, чтоб не смотреть...
Но взгляд его, повернутый на стены,
С объятьями опять столкнулся с теми.
Он вмиг глаза поднял на потолок,
Как будто в звездах был спаситель бог.
Но Зулейха тот взгляд истолковала
Как солнце в тучах и любви начало.
Она, стена, зарыдала вновь,

И хлынула к глазам от сердца кровь:
«Упрямец, ну раскрой свои объятия,
Сними с души ненужное заклятье.
Я жажду от тебя живой воды,
Ведь я мертва, но животорен ты.
Я мертвая, а ты родник далекий,
И стороной журчат твои потоки.
Не мучь меня сверх этого, не надо,
Ведь сердце и себе уже не радо.
О, напои меня, безумно жажду!
И развяжи с души узлы однажды.
Ведь на сердце лишь о тебе пятно,
Как запах. Цветника же нет давно.
Сотри пятно хотя бы на мгновенье,
Возобнови душистое цветенье.
Я высохла, я как сошла с ума.
О, дай хоть каплю влаги иль вина...»
Юсуф сказал: «Кто из людей, о пери,
В твое людское существо поверит.
Но будь же снисходительна ко мне.
Не сыпь на непорочность град камней.
Не сыпь камней на чистые ключи,
Не жги и плотской страсти не учи...
Не торопись к своей заветной цели.
Быть осторожным лучше в самом деле.
В капкане может оказаться лань,
Но ты ловцом, попавшим в сеть, не стань».
А Зулейха в ответ ему: «Не жди?
При жажде ждут ли, как пойдут дожди?
Мне жаждой сердце губы обметало,
И мне ли ждать, чтоб сердце камнем стало?!
Чего ж тебе не следовать совету,
И разделять со мною ложе это?!
А он ответил: «Из-за двух причин:
Страшусь я мести бога и мужчин.

Когда Азиз узнает об измене,—
Он кожу мне на волчью шкуру сменит.
А в Страшный суд оправдан, кто воздержан,
Прелюбодей же будет в бездну свержен».
«Не бойся,— говорит она,— Азиза.
Когда он в праздник будет веселиться,
Я напою вином его тогда,
Пусть будет пьян до Страшного суда.
Коль веришь ты, что бог твой милосерден,
Знай, ты его грехами не рассердишь.
И я к тому же залежи добра,
Все горы золота и серебра
Готова бросить милостыней в ноги,
И будет бог во всем тебе подмогой».
Сказал он: «По-иному я гляжу,
И ближнему я вряд ли наврежу.
И если станешь ближе ты Азизу,
Готов я быть рабом твоих капризов».
Ответила: «Мой господин, мой столп,
Венец тебе и под ноги престол,
Когда тоска мне сердце рвать готова,
Ты поводом отыскиваешь повод.
И повод и для хитростей и лжи,
И повод, чтоб усердно им служить.
Но, видит бог, я отступить готова,
Лишь ты уйми обманчивое слово.
Ведь всякому терпенью есть конец.
Открой свои объятия наконец.
Уймись, и то, что остудит меня,
Не оставляй до завтрашнего дня...
О горе мне, сухой тростник пылает,
А он гасит, пожара не желает.
Я вся сгорела, превратилась в пепел,
Его ж родник незамутнен и светел».
И Зулейха закончила едва,

Юсуф нашел ей новые слова.
Тогда она сказала: «О, вития!
Я в перебранке день свой упустила.
Но ты теперь отказывать не смей,
Не стань причиной сразу двух смертей!»
Так говоря, она тайком достала
Кинжал, похожий на листочек тала.
К ней бросился Юсуф, заметив это,
Схватил за кисть, одетую в браслеты.
«Не надо, успокойся, Зулейха,
Не становись на этот путь греха,
Коль скоро хочешь видеть пред собою
Того, кто сердца твоего не стоит».
И сердце Зулейхи взвилось луной,
Когда Юсуф заботливый, иной
Заговорил, как выполнил желанья,
Как успокоил, наконец, страданья.
Кинжал мгновенно бросила она,
В душе иной решимости полна.
Впилась в уста, их сахаром наполнив,
И вдруг объятья, наподобье молний,
Замкнула, стрелам душу предала,
Тем стрелам, что, как радужная мгла,
Жемчужное пронизывают тельце.
Но не хотел он быть ее владельцем.
А если жемчуг и хотел извлечь,
Он прежде думал честь свою сберечь.
А Зулейха, вскипая, домогалась,
Юсуф к себе пытался вызвать жалость.
Он на халате ворот расстегнул,
Снял пояс и надежду ей вернул.
Но вдруг увидел, обернувшись резко,
Что там, в углу, качнулись занавески.
Юсуф воскликнул: «Кто там у стены
Стоит безмолвно в окруженьи тьмы?!»

Она сказала: «Это тот, чья тень
Мной помыкает каждый божий день.
Красавец, чьи глаза как жемчуга,
Душой — река, что смыла берега.
Ему устлав за пологом постель,
Я жду, когда, не глядя, словно сель,
Нахлынет он, меня собой сминая,
В наложнице безбожницы не зная!»
Услышав это, закричал Юсуф:
«О, неужели и свершился суд?!
Ты опозорен среди живых и мертвых,
Ведь эти ласки в памяти не стерты».
И с этими словами наповал
Убил в себе и сон, и этот зал.
Лучом метнулся он отсюда прочь
Сквозь сто дверей во всю слепую мочь.
И Зулейха за ним метнулась следом,
И перед дверью, может быть последней,
Схватить успела за подол халат,
И вот в руках клочок, как для заплат.
А он, как птица, из печальных пальцев
Рванулся прочь, и лишь клочок остался.
И Зулейха, с оставшимся клочком,
На землю пала, словно тень, ничком.

ЕГИПЕТСКИЙ ФАРАОН ПРИГЛАШАЕТ
К СЕБЕ ЮСУФА, ЧТОБЫ ТОТ РАЗГАДАЛ
ЗНАЧЕНИЕ ЕГО СНА, И РАЗРЕШАЕТ
СКАНДАЛ МЕЖДУ НИМ И ЖЕНАМИ ЕГИПТА

Коль нет ключа, то и замок закрыт,
Секрет замка седьмой печатью скрыт.
Тут и мудрец открыть его не сможет,
Хоть мыслью лоб изморщит, искорежит.
Так обманулся и Юсуф в судьбе,
Как перерезав все пути себе...

Осталось лишь надеяться на бога,
Чтобы хоть вехой светлую дорогу
Он указал среди тяжелых дней
Спасительной десницею своей.
И вот однажды перед фараоном
Предстало семь быков в виденье сонном.
Все хороши, как будто на убой,
Тучнее двух быков из них любой.
Затем еще предстало семь, но тощих,
Тех, что насилу носят свои мощи.
И тощая семерка в тот же миг
Поела разом жирных семерых.
Затем пустырь усеяло семь злаков,—
Глазам — услада, а душе семь лакомств.
И семь колючек выросло стеной,
Подмяв колосья и сровняв с землей.
И фараон, проснувшись на рассвете,
Собрал мудрейших и просил ответить,
Что это значит? Те с большим трудом
Сказали, что сидит тревога в том,
Чему умом и не отыщешь фразу,
Которой должно отказать бы сразу...
Но перебил их юноша-мудрец
И о Юсуфе слово наконец
Сказал царю, как о таком провидце,
Который вяжет сто узлов без спицы.
Он вмиг развеет путаницу сна,
Как жемчуг достают ловцы со дна.
И если фараон ему позволит
В минуту истолкует сон, не боле.
Ответил фараон: «К чему приказ?
Зачем слепому что-то, кроме глаз?
Я как слепец умом по тайне рыщу,
Мой ум никак отгадки не отыщет».
Пошел к зиндану юноша, и он

Там изложил Юсуфу этот сон.
Юсуф сказал: «И бык, и знак — суть годы,
И знаки то во вред, а то в угоду.
Быки жирны, а злаки зелены —
То этот год удачный для страны.
А тощие бычки среди колючек —
То этот год и не являлся б лучше...
И, несомненно, первые семь лет
Дожди засеют зернами весь свет,
Под урожай не хватит и хранилиц,
Но семь других нам явятся за ними ж.
Запасы будут съедены опять.
Кто не умрет, тот будет голодать.
Ни капли влаги не уронит небо,
Не прорастет ни травки из-под снега.
Все богачи лишатся длинных рук,
Безрукие — от голода помрут.
Помрут, прося хотя б кусочек хлеба,
Но не ответит людям злое небо».
И с этими словами сей юнец
Вернулся к фараону во дворец.
Слова Юсуфа думам отвечали,
И фараон лишился всех печалей.
Сказал: «Иди и приведи его,
Хочу услышать это от него,
Ведь если весть от друга — это сахар,
То не увидишь — не лишишься страха.
К чему нам слышать вещие слова
Не с первых уст, от самого волхва?»
Пошел вельможа за Юсуфом снова,
Все сообщил Юсуфу слово в слово,
Сказал: «Ступай, о райский кипарис,
Ты в царский сад и воле покорись.
Ступай легко, как будто лист трепещет,
С лица улыбка пусть цветами плещет».

Юсуф сказал: «Зачем идти к нему?
Я в жизни зла не делал никому.
Он продержал меня в зиндане годы,
Унизил, всем клеветникам в угоду.
Я подчинюсь и поднимусь туда
Из мрачного зиндана лишь тогда,
Когда прикажет, чтобы те, кто прежде
Не кожуру, а пальцы свои срезал,
Мгновенно, как созвездья, собрались,
И в их глазах я снова стал бы чист.
Ведь ни за что мне мстили эти лица,
Меня швырнув затворником в темницу...
И пусть раскрыта тайна для него —
Не делал я плохого ничего.
Меня же обвинили безрассудно,
Ведь непорочность вовсе неподсудна.
В том доме я к измене не склонял,
Все, что я делал,— верность охранял.
Чем оказаться пойманным в постели,
Быть казнокрадом лучше в самом деле».
И выслушал вельможу фараон,
Собрать с Египта повелел всех жен.
И те его мгновенно окружили,
Как мошкара вокруг свечи кружили.
И венценосец на пиру своем
Заговорил словами, как огнем:
«Зачем, о светоч жизни обжигаясь,
Зачем оклеветали всем на зависть
Лицо его, подобное садам?!
Зачем его вогнали вы в зиндан?
Зачем на шею обруч вы надели,
Когда и лепесток сгибает тело?
Ведь если устоит он на ветру,
То от росинки облетит к утру».
Сказали жены: «О владелец мира,

Да длятся век престол твой и порфира.
Мы за Юсуфом не припомним зла —
Ему почет, и слава, и хвала.
Мушинка в янтаре не так прозрачна,
Как он далек от всех пороков страшных».
Пристроившись к другим, и Зулейха
Сидела с грустью, ко всему глуха.
И продевала руку в покрывало,
Любовь таила, похоть сокрывала.
Ей надоели ложь, поклон, навет,
И вот, как занимается рассвет,
Она сказала, что во всем виновна,
Сказала: «Правда да обрящет стогна!»
Сказала: «Нет, Юсуф не виноват,
Запуталась в любви я. Что скрывать,
Впервые на свиданье пригласила,
Но он отверг — я взять хотела силой.
И месть моя свела его в тюрьму,—
Мои печали отдала ему.
Печали эти жить ему не дали,
Но и сама не меньше я старала.
Его невинность мучила до слез,
И он достоин большего, чем грез.
И если фараон окажет милость
Хоть и в сто крат — все для Юсуфа малость».
И от ее прочувствованных слов
Лицо царя улыбкой расцвело.
Он подал знак, сейчас же, мол, идите,
И в этот сад Юсуфа приведите.
Пусть будет он тому веленью рад,
Пусть украшает не зиндан, а сад,
Пусть счастье жизни правит им легко
И да живет он под моей рукой!

**ЗУЛЕЙХА ПРИХОДИТ В УЕДИНЕНИЕ ЮСУФА,
И ЕГО МОЛИТВЫ ВОЗВРАЩАЮТ ЗРЕНИЕ,
И СВЕТ НАПОЛНЯЕТ ГЛАЗА ЕИ КРАСОТОЙ
И БЕЗУПРЕЧНОЙ ЮНОСТЬЮ**

Влюбленному всего конечно лучше,
Когда любовь коснется, но не мучит,
Когда, шепчась с любимыми в тиши,
Любовь развяжет узелки души,
Их раскрывая, как срывая пояс,
И заново расскажет ту же повесть!
Когда, свои походы завершив,
Сидел Юсуф в покое и в тиши,
Вошел охранник и сказал: «Властитель,
Мир — добродетелям твоим обитель.
Здесь у ворот стоит старушка та,
Там на пути нас ждущая всегда.
Ты мне велел, о столп моей отчизны,
Ее доставить, хоть рискуя жизнью».
Сказал Юсуф: «Исполни просьбы все,
И помоги ей в жизни вообще».
А тот: «Она забывчива настолько,
Что и не помнит о нужде нисколько».
Сказал: «Тогда войти ей разреши —
Покровы сбросить со своей души».
Воспользовавшись этим разрешеньем,
Она вошла с улыбкой, как цветеньем.
Бутон мерцал, а роза расцвела
И на устах молитвам нет числа.
Юсуф, опешив от ее прихода,
Спросил про имя и откуда родом...
«Я, милый, та,— ответила она,—
Кто миг глядела, годы влюблена.
Из-за тебя лишилась я сокровищ
И сердца, захлебнувшегося кровью.

В тоске и юность стала мне тюрьмой,
Ты видишь, как стара я, боже мой!
Теперь, когда ты власть объемлешь крепко,
Забыл меня ты верно же навеки!»
Но по словам узнал ее Юсуф,
И, сожалея, уронил слезу,
Сказал: «О Зулейха, ответь на милость,
Что за беда с тобою приключилась?»
И лишь Юсуф сказал: «О Зулейха!»
Она упала навсегда глуха,
Как будто сердце вмиг и захмелело,
На сладкий зов сознание улетело.
Когда она пришла в себя опять,
То их беседа повернула вспять.
Спросил: «Где красота твоя и юность?»
Сказала: «Листопадом обернулась».
«Согбенна ты, что на тебе за груз?»
«Груз тяжких лет и вековая грусть».
Спросил он: «Отчего глаза незрячи?»
«От жгучей крови вместо слез горячих».
«Где золото твое и серебро,
И где корона с царственным пером?»
Ответила: «Те, кто тебя хвалили,
И не хвалу — елей как будто лили,
За каждое словечко, награжден
Был мною каждый золотым дождем.
Я каждого короной увенчала,
Себя ж покрыла прахом и печалью,
И вот в руках сокровищ больше нет,
В душе любовь — вот лучезарный свет».
А он спросил: «Ну что необходимо,
Чтобы теперь забылась та година?»
Ответила: «Нужда моя из бед,
Кроме тебя, спасения ей нет.
И если ты клянешься, что поможешь,

То с губ моих печать сорвать ты сможешь.
Но если нет — то не сорвать печать,
Тогда навек жива во мне печаль».
Сказал он: «Клятва — доброты источник.
Творец ее создал твореньем прочным,
Творец, что создал из огня цветы,
Из глины люд, а из людей мечты.
Так я сегодня тех мечтаний полон,
Все, что сумею — с радостью исполню!»
Она: «Верни мне юность и красу.
Как утро дарит цветникам росу,
Чтобы украдкой на тебя я глядя,
Рвала цветы таинственного сада».
Юсуф молитвой освятил уста,
Из уст живая брызнула вода.
И вдруг вернулось совершенство линий,
И щеки яблоч, белизна жасминов...
Что утекло, то повернуло вспять,
И расцвела весна в саду опять,
И почернели волосы седые,
Как ночь покрылась предрассветным дымом.
И мускус локона, черней чем смоль,
А светоч лба светлей, чем даже соль.
И разогнулся кипарис к вершине,
С лица исчезли старые морщины,
И как стареет полная луна,
Сорокалетье сбросила она.
И стала даже прежнего прекрасней,
Что и попытка описать — напрасна.
Спросил Юсуф: «Красавица, скажи,
Еще что сделать для твоей души?»
Сказала: «Хватит, ничего не надо,
И днем и ночью быть с тобою рядом.
Днем упиваться красотой твоей,
А ночью спать собакой у ступней,

К тени твоей устами припадая,
Срывать плоды послаще, чем из рая.
И к сладости, что ранила уста,
Собрать росу с целебного куста.
Когда листву же засуха мне тронет,
Ей, как слезами, орошать бы корни».
Юсуф, услышав про мечту ее,
Впал на мгновенье будто в забытьё:
Принять ее или же нет,— не зная,
Услышал вдруг, как Джабраил рыдает:
«О царь, гордись, послал со мною весть
Тот, кто хранит тебе покой и честь.
Увидев Зулейху, мы затужили,
Ее желанье выполнить решили.
От трепета страдальческой мечты
Пришло в движенье море доброты.
Мы, не оставив без надежд в печали,
С тобой ее на небе обвенчали.
Ты тоже узы с ней навек скрепи,
На радость ей и путам вопреки.
И коль полюбишь, в сердце воскреша,
Да светится в сокровищах душа!»

ЮСУФ ВЕНЧАЕТСЯ С ЗУЛЕЙХОЙ, ИХ СВАДЬБОЙ УВЕНЧАНА ЛЮБОВЬ

И повелел Юсуфу всемогущий,
Чтоб с Зулейхой скрепил навеки души.
Готов правитель закатить пиры
На все ему подвластные миры.
Созвал всю знать великого Египта,
Сам фараон пожаловал с улыбкой...
И обвенчался с Зулейхой Юсуф.
Прибавил к четкам лал и бирюсу,
При этом сыпал в небе вставший дыбом
Монеты месяц из созвездья Рыбы...

Но встал Юсуф и, как велит закон,
С учтивостью отвесил всем поклон,
И, расспросив жену свою покорно,
Затем отправил он ее в покой.
Сновали перед ней ее рабы,
Ложась в ногах, об землю били лбы,
Стонали от красоты своей царицы
И отражали златоткань их лица.
Но вот когда затихли причитанья,
Все удалились тихими шагами,
Луну-невесту дым ее волос
Окутал — в небе облако неслось.
Но в небесах, в их голубых провалах
Сквозные звезды свечами вставляли.
Созвездия сверкали, словно гроздь,
Казалось, встанет вся заря из звезд.
Их было тьма, как и волос невесты,
Что прячут мир таинственный, безвестный.
Она в наперсницы избрала ночь,
Чтоб та могла от чужаков помочь,
И, ожидая жениха в постели,
Сердечко в ней стучало еле-еле:
«Что это? С жаждой по реке плыву...
О боже, снится или наяву?!»
И утолить ли ей водою жажду,
Как погасить сгоревшее однажды...
То бисером слезу метал восторг.
То страх ее кровавый стон исторг
То говорит: «Увы, но я не верю,
Что так легко открыты к счастью двери».
То скажет: «Нет ведь клятвы посильней,
Когда любовь и вера есть за ней».
И мучится невыносимым смятеньем,
То грустью, то счастливым упоеньем.
Но вот глядит, с дверей сорвав покров,

Ворвался месяц ярче ста костров.
И Зулейха, что потеряла разум,
Глядит, не отрываясь, раз за разом,
И лунным светом заворожена,
Вспорола тьму в груди себе она.
Юсуф увидел страсти совершенство
В ее испуге, отрешеньи женском,
И если был в любви его престол,—
Он на него любимую возвел.
И, отдаваясь существом всецело,
Он разбудил и душу ей, и тело.
Тогда ее он не ценил ни в грош,
Теперь его всего бросало в дрожь,
Глаза его окидывали щеки,
Узор тончайший на китайском шелке.
Как гурия, собою хороша —
Нагая — только тело и душа.
И сбился взгляд на тропочку иную,—
Страстны объятья, сладки поцелуи.
Припав губами к сладостной груди,
Зубами он надкусывал плоды.
Как расстилают скатерти при встрече —
Солонка губ и вместо хлеба — плечи.
И гость сперва отведать нужным счел
С раскрытой скатерти и хлеб и соль.
А соль, как рану, страсти разжигает,
И вот он руки на спине сжимает...
И поясом не мучилась она,
То значит драгоценностей полна.
Он бросился на поиски сокровищ
В ларце, который сразу не откроешь.
Она ж пред ним поставила, как в дар,
Обитый серебром, жемчужный ларь,
Ни разу не открытый и владельцем,
Не то чтоб вором или же пришельцем.

И приготовил он янтарный ключ,
Открыл замок, и в ларь вонзился луч.
И он как будто все скакал в теснине,
Уже и хром, и ноги как из глины...
И страсть его несла, как дикий конь,
И, наконец, угас его огонь.
А ночью встал, измученный от жажды,
И окунулся в эту воду дважды.
Сперва душой в любимой отражен,
Затем любимой намертво сражен.
И появились два цветка на ветке,
И на рассвете разбудил их ветер:
Один раскрылся, а другой бутон
Не распустился, но как сладок он.
Юсуф сорвал бутон и, удивленный
Жемчужиной еще не просверленной,
Спросил: «Кто жемчуг этот уберег,
И кто от ветра защитил цветок?»
Сказала: «Даже и Азиз влюбленный
Не мог сорвать в моем саду бутона.
Хоть царствовал он как прекрасный шах,—
Влачился в страсти как хромой ишак.
Мне, девочке, приснился ты однажды.
С тех пор тебя лишь одного я жажду.
Дал покрывало, а затем и нить —
Просил меня сокровища хранить.
Я в чистоте хранила покрывало
И никому твой ларь не открывала.
О, слава богу, сберегла его,
Не допустив и близко никого.
Не побоялась бы я ста кинжалов,
Когда тебя, мой милый, ожидала».
И от огня всех этих слов Юсуф
Любил сильнее ее — свою красу.
И спрашивал: «Зачем, святая пери,

Греху ты прежде открывала двери?»
Она твердила: «Ты меня прости,
Я умирала от своей тоски.
Любви ничто противиться не в силах —
Ни грех, ни горе, даже ни могила.
Когда любовь прекраснее всего,
Легко ума лишиться своего.
Как божество среди праведных и грешных
Прости меня, люби меня навечно.
Забудь слова и только обещай
Любить меня, не говоря: прощай.»

КНИГА МУДРОСТИ ИСКАНДАРА

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Былых времен историки для нас
Об Искандаре начали рассказ:
В тот год, как Фейлакусова страна
Над миром засияла, как весна,
Творец миров, по милости своей,
Дал сына шаху на закате дней.
Ты скажешь: это с высоты высот
Звездой новой вспыхнул небосвод.
Грядущего владыку всей земли,
Младенца Искандаром нарекли.
А на восьмом его году отец
На голову надел ему венец,
Назвал его наследником царей,
Под власть его привел богатырей.
Когда же все вельможи той земли
Присягу Искандару принесли
Служить ему на всем его веку,
Послал он сына к знаний роднику.

И с просьбой царь пред Арасту предстал,
Чтоб муж премудрый сына воспитал.
Ученому сказал: «Ни мгла, ни тьма
Не скроют солнца твоего ума.
Ты звезды отразил, как океан,
Ты знаньем озарил страну Юнан,
Ты мудрый, как гармонию светил,
Мир меж людьми и строй установил.
И тот путями истины идет,
Кто из ключа твоих познаний пьет.
Когда б не ты — от неразумных дел
И от раздоров мир бы потемнел.
Познания благо в людях не равно,
Природой все не каждому дано.
Пусть к мудрому несведущий придет,
Чтоб научиться двигать жизнь вперед.
Но если неуч презрит свет наук,
Ему не даст добра небесный круг.
И если царь не будет мудрецом,
Он родину не озарит венцом.
И если царь в невежестве погряз,
Он — горе для народа и для вас...
Возлюбленный — он у меня один,
Моя надежда, Искандар, мой сын.
Чиста его сознания скрижаль,
Достойна начертания скрижаль.
Пусть учится у вас наследник мой
Быть мудрым в управлении страной.
Пусть так он будет вами обучен,
Чтоб государство возвеличил он,
Чтоб в начинаньях добрых был счастлив
И к людям всем, к народу, справедлив,
Чтоб завершил он замыслы отца,
Утешил обездоленных сердца!»
Услышал Арасту наказ царя

И приступил, усердием горя,
К наставничеству, и своим огнем
Зажег светильник в сердце молодом.
Его учил он управлять собой,
Справляться в жизни с трудностью любой.
Глубокой любознательностью пыл
В душе измлада Искандар таил.
Он сверстников своих опередил —
Такой в нем был запас духовных сил.
Наука Арасту не зря прошла
И пышно в Искандаре расцвела.
Покров с лица природы он сорвал,
Строенья мира тайну он узнал.
Ключ знания он у Эклидуса взял,
Кругов планетных знаки прочитал.
И стал он мудр и в помыслах велик,
Вершины знаний разумом достиг.
Расцвел и вырос — мощен и высок, —
Принес плоды посаженный росток.
Познал законы он небесных сфер,
Лишь истина была ему пример.
Не обольщался внешним видом он,
Пытливой мыслью к сути обращен.
И, возмужав душой, он был готов
Писать на свитке мира и веков.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ОТЕЦ ИСКАНДАРА ПРОСИТ АРАСТУ НАПИСАТЬ ДЛЯ СЫНА КНИГУ ЗАВЕТОВ

Сын шаха, завершив ученья круг,
Вооружился мощью всех наук.
Но, вечными заботами горя,
В те дни пришла в упадок мощь царя.
Шестисторонний мир тщеты земной
Всех дел и дум царя нарушил строй.

Услышал он призывный барабан
К отходу в даль потусторонних стран.
Шах Фейлакус за Арасту послал,
Приветствовал и мудрому сказал:
«О верности и мудрости гора!
Я чувствую, мне уходить пора.
Во мне угасла сила бытия,
Мне плоть не подчиняется моя.
Явись ко мне с твоим учеником,
Тебе не прекословящим ни в чем.
Смерть подступает. Конь мой боевой
На поле жизни никнет головой...»
Лишь Арасту об этом услышал,
Он с Искандаром пред царем предстал.
И пали пред царем они, скорбя,
И этим не унизили себя.
Владыка Искандара увидал
И, увидав, душой возликовал.
Созвал он мудрецов своей земли.
Когда же те с поклонами пришли,
Велел, чтоб испытал ученый круг
Наследника в познании наук.
На все вопросы их ответил он,
И круг ученых был им восхищен:
«Шах! Все, что истиной озарено,
Все твоему наследнику дано!
Да, он всего достиг, чего хотел,
Всей мудростью столетней овладел.
Коль кладезь мудрости такой открыт,
Невежество вселенной не грозит».
Когда услышал это Фейлакус,
Подвластным странам, будь то Рум иль Рус,
Он имя Искандара объявил,
Венец и жезл царей ему вручил.
Воздавши благодарность мудрецам,

Мудрейшему сказал: «Возьми калам,
Для сына книгу мудрости живой
Пиши, учи, как управлять страной,
Чтоб направляла все его дела,
Царю путеводителем была,
И что на месте лучше б не сидел,
Чем приступать к свершенью черных дел».
И внял наказу шаха Арасту,
К каламу обратился и листу.
За труд взялся он, именем творца
Довел свой труд великий до конца.
Он с книгою перед царем предстал,
И сердцем Фейлакус возликовал,
Живых письмен узор увидел он,
Вздыхнул — и погрузился в вечный сон.
Застыла кровь его, затмился взор.
Как кровью, горем обогрился двор.
Власть с подчиненьем, с милой жизнью смерть
Безжалостная чередует твердь.
О смерть! Ты то в табут кладешь отца,
Растерзывая сыновей сердца,
То, саваном на сыне заменя
Парчу и шелк, идешь, отца казня.
Будь счастлив, смертный! С братом по крови
И с другом лишь в согласии живи.
О дальнем и о близком не жалеи,
Нет друга ближе совести твоей.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ИСКАНДАР
БЛАГОДАРЯ СВОЕЙ СКРОМНОСТИ
ВОЗВЫСИЛСЯ НАД ЛЮДЬМИ СВОЕГО
ВРЕМЕНИ

Мудрец, кем был прославлен Рум и Рус,
Повествовал, как умер Фейлакус,

Как Искандар вступил на трон отца
И светом жизни озарил сердца.
И приближенным он сказал своим:
«Вот о царе ушедшем мы скорбим!
Поистине он нашим был отцом,
А я, ваш брат, не выше вас ни в чем.
О первенстве средь вас не мыслю я.
Пусть ваша воля будет и моя.
И что вам в мире свет — мне тоже свет,
И что для вас во вред — и мне во вред.
И кто из вас хоть ногу занозит,
Заноза эта грудь мою пронзит.
Так изберите из среды своей
Старейшего всех лучше и мудрей,
Чтоб он народом правил, как отец,
Чтобы отмыл он ржавчину сердец,
Чтоб он людей средь бедственных дорог
От холода и зноя уберег,
Чтоб добродетель в мире уберег,
Примером чести поразил порок!»
Когда же Искандар умолк, кругом,
Из всех грудей раздался клич, как гром:
«Ты будешь нам главою и вождем!
Ты выше всех нас сердцем и умом!»
И вновь ему присягу принесли
Богатыри и знатные земли.
Шах Искандар ответил им тогда:
«Владейте жизнью долгие года!
Вы подняли меня, как солнце дня,
Вы в пыль, как тень, не бросили меня,
Клянусь по справедливому пути,
По честному пути всю жизнь идти!
Клянусь сердца печальных исцелить!
Несчастных от несчастий защитить!
Ведь если шах людей потопчет в прах,

Душой он жалкий нищий, а не шах.
Коль сердцем шах изменчив что ни час,
Какая польза от него для вас?
Для блага подданных я жить клянусь!
На страже прав народа быть клянусь!»
И удивлялись все его словам.
Да будет в них пример иным царям.

КНИГА МУДРОСТИ АРАСТУ

Историк мудрый, вечной правды друг,
Взлелеявший прекрасный сад наук,
О шахе Искандаре написал,
О том, как он владыкой мира стал.
О том, как врачевать недуг любой,
Для нас писал он кистью золотой.
Вкруг золотого слова и узор
Из золота, чтоб утешался взор.
Как золотая нить, несет строка
Нанизанные мысли-жемчуга...
От книги, им творимой, ни на час
Не отрывал мудрец ума и глаз.
Своих предтеч, познав их красоту,
Благодарил вседневно Арасту.
Но в книге той лучился каждый стих
Любовью современников своих.
Внемлите наставлениям того,
Кого на труд подвигло божество:
«О шах! Будь знаньем тайны одарен,
Будь светом доброй воли озарен.
Владык повелевающий язык,
Равно как слух внимающий, велик.
Учись разумно разуму внимать,
А не гадать: принять иль не принять.
Не лилией, а розой горд цветник,

Хоть очень длинен лилии язык.
Будь щедр и милосерд. Могучий свод
Тебя одарит от своих щедрот.
Ведь если этот мир сравнить с горой,
В нем эхо породит твой шаг любой.
Как ни грохочет эхо громких дел,
У эха и у слова есть предел.
Посаженный росток тогда взойдет,
Когда усерден добрый садовод.
Коль подвигом снискал ты славы плод,
Тебе он радость с неба принесет.
Ты никому не можешь быть судьей,
Пока к добру не обращен душой.
И стать проводником не может тот,
Кто сам не ведает, куда идет.
Когда вода горька и солона —
Не может жажду утолить она.
Как можешь ты пороки истребить,
Когда с себя порок не можешь смыть?
Когда в грязи стираешь платье ты,
Не жди от этой стирки чистоты.
Твои слова прекрасны — от души...
Поступки лучше были б хороши.
Достоинству нас не научит тот,
Кто недостойно сам себя ведет.
А польза слов отца для сына где ж?
Сам ест халву, а говорит: «Не ешь!»
В тебе, как в тесте, пекарь твой смешал
И добрых много и дурных начал.
В победе зла — падение твое,
В добре твоём — спасение твое.
Не дай началам добрым пасть в борьбе,
Ведь жребий той борьбы вручен тебе.
Ум темный светом ясным озари,
Неправды с сердца ржавчину сотри.

В пути коварным мыслям не внимай
И вьюк свой терпеливо подымай.
Ведь иначе трудней и тяжелей
Стать может ноша на спине твоей».

КНИГА МУДРОСТИ СОКРАТА

Пусть миру принесут плоды стократ
Богатства духа, что собрал Сократ!
Беспечности и низости далек,
Он был как светоч с головы до ног.
Отверг он тлен богатства и тщеты
И пожелал добра и простоты.
И стал его имуществом один
Огромный старый глиняный кувшин
С отбитым краем, с трещиной у дна,
Негодный для хранения вина.
Когда грозила стужа, снег валил,
Сократ в кувшине ночи проводил.
А утром выходил на солнце он
Погреться, сам, как солнце, обнажен
(И рубища он даже не имел).
Перед кувшином как-то он сидел,
Впивая, как цветок, тепло весны.
А мимо проезжал царь той страны,
Сказал: «Привет тебе и добрый час!
Но что же ты скрываешься от нас?
Ты, всеми уважаемый мудрец,
К нам не зашел ни разу во дворец!»
Сократ ответил: «Стар я, силы нет.
Несу я трудный подвиг много лет».
И царь спросил: «Кто вынудил тебя
Жить так печально, плоть свою губя,
Без передышки тяготы нести?»
Сократ же: «Я хочу приобрести

Богатство, обессмертить жизнь свою.
Я вечности орудие кую!»
— «Богатство всей страны — в моих руках.
Всем одарю тебя!» — ответил шах.
Сократ: «О, если б был я убежден,
Что ты так щедро небом награжден,
Я покорился бы своей судьбе,
На службу опоясался б тебе.
Но жизни ты, увы, не можешь дать,
И не хочу свободу я терять.
Ведет к свободе путь суровый мой,
И он преграда меж тобой и мной!»
— «Проси что хочешь, — царь ему сказал, —
Получишь все, чего б ни пожелал!»
Сократ в ответ: «Благодарю за честь,
Одна лишь у меня к вам просьба есть:
Не засти тенью царственной своей
Моей отрады — солнечных лучей!
Они — моя одежда. Мне она
По воле неба вечного дана.
Не откажи мне в просьбе, мудрый шах,
И отойди в сторонку хоть на шаг!»
Царь снял с плеча кафтан свой дорогой,
Покрытый златотканною парчой,
Подбитый мехом белого песка.
С улыбкой он на тело мудреца
Накинул драгоценный свой наряд.
Но сбросил на землю его Сократ
И мягко молвил дерзкие слова:
«Поганых шкура не годна для льва,
Носить живому саван не к лицу,
Он подобает только мертвецу.
Когда зима нарушит мой покой,
От бурь меня кувшин спасает мой;
Когда же прояснится небосвод,

Светило мира мне тепло дает!»
Как небо, был Сократ велик душой,
И тверд и терпелив, как шар земной.
Учеников имел десятки он.
Но был среди них любимейшим Платон.
Как драгоценный камень, на века
Выгранивал он мысль ученика.
Сказал Платону: «Дух твой, на простор
Из клетки выйдя, крылья распростер.
Так подымайся в высоту высот,
Оставив под ногами небосвод,
Над миром, где невежество и зло
Тяжелой тенью на души легло.
А были бы от зла сердца чисты,
Не знал бы мир ни распри, ни вражды.
Там, где мудрец прямым путем идет,
Невежде перепутье предстает.
Здесь, в грешном мире, где ворот не счесть,
Шесть для людей напастей горьких есть.
Невыносимой мукою томим
Тот, кто во всем завидует другим.
Всю жизнь тоской и злобою дыша,
Затянута узлом его душа.
За ним идет имущий власть злодей,
Насильник, ненавидящий людей.
А невозможность совершения зла
Ему, как мука ада, тяжела.
И третий мученик идет за ним:
Тот, кто стяжанья жаждою томим.
Всю жизнь он лишь добычу сторожит
И, упустить боясь, над ней дрожит.
Четвертый — скряга. Хоть казна полна,
Не знает он ни радости, ни сна.
Томимый страхом разоренья, он
При жизни на геенну обречен.

Страдалец пятый — жаждущий чинов,
Удел его и жалок и суров.
Мечтой о возвышенье он живет,
Возвыситься ж — ума недостает.
Шестой — невежда. Сдержанность других
Он называет малодушьем их,
Не видит он достоинства ни в ком
И покрывает сам себя стыдом.
Один язык у нас, а уха — два,
Чтоб слышать много, но беречь слова.
Не доверяйся алчности своей,
Жить по своим возможностям умей.
Ведь лучше бедным, но свободным быть,
Себе, а не хозяину служить.
Жемчужины познаний собери,
Тропу деяний прямо протори,
И славы меч у сверстников возьмешь,
И мудрых за собою поведешь.
Как торгаша, гони из сердца ложь,
Правдивым словом опрокинь вельмож.
Путем добра и верности иди,
Лишь с мужественным дружбу заводи.
И знай, порой под маской доброты
Таятся равнодушия черты.
Хотя сандал и не богат теплом,
Есть для сердец горячих польза в нем.
И в щепки разлетаются порой
Сандаловые ветви под грозой.
Чем пуще будет ветер бушевать,
Тем яростней начнет костер пылать.
Три возраста мы числим основных,
Но средний возраст лучше двух иных.
Коль муж и дряхл, и борода седа,
Но злоба в нем крепка и молода
И черен сердцем старый человек,

Какая польза, что он прожил век?
Так волк, заматерев и возмужав,
Сильнее выкажет свой волчий нрав.
Беги его! Не знайся с ним ни дня!
Его слова — обман и западня.
Коварству в западню не попадись!
Доверясь волку, жизни не лишишься».

ПОХОД ИСКАНДАРА НА ЧИН

Шах Искандар — полмира властелин —
Поднялся и повел войска на Чин.
Когда хакан об этом услышал,
Как бедствию противостать, не знал.
Отправил к Искандару он посла
С подарками — во избежанье зла:
Запас одежды, снеди и плодов,
Послал ему рабыню, двух рабов.
Шах Искандар подарки получил
И в изумленье палец прикусил.
Спросил себя: «Неужто, государь,
Так победителей дарили встарь?
Хакан тебя подарком столь скупым
Унизил бы пред воинством твоим.
То не простой подарок. Нет, в нем есть
Сокрытый смысл. Но как его прочесть?»
Шах долго думал и в конце концов
Призвал к себе на помощь мудрецов,
Испытанных наставников своих,
Разгадку тайны он спросил у них.
И самый мудрый отвечал ему:
«Сей дар подобен тайному письму,
В нем сказано: «Будь царь ты иль солдат,
Но есть рабыня для ночных услад
И сильных два раба, чтоб исполнять,

Чего б ни захотел ты пожелать,
И есть запас одежд на круглый год,
И всяческая снедь, и сладкий плод,—
Хоть ты б миры миров завоевал,
Клянусь — от жизни больше бы не взял!
О чем тогда еще вам тосковать?
Зачем с соседом мирным воевать?»
Ответ тот Искандаром понят был.
Шах злую волю в сердце преломил.
В дверь мира он к хакану постучал.
«Да будет мир меж нами!» — сам сказал.
Мир в мире — без насилий и обид —
На камне справедливости стоит.
И коль ты хочешь овладеть страной,
То на пути добра и правды стой.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ИСКАНДАР ДОСТИГ ГОРОДА ЛЮДЕЙ, ЧИСТЫХ ПРАВОМ

Мир Искандар решил завоевать,
Чтоб явное и тайное узнать.
Его поход был труден и велик.
И дивного он города достиг.
То город был особенных людей.
Там не было ни шаха, ни князей,
Ни богачей, ни бедных. Все равны,
Как братья, были люди той страны.
Был труд их легок, но всего у них
В достатке было от плодов земных.
Их нравы были чисты. И страна
Не ведала, что в мире есть война.
У каждой их семьи был сад и дом,
Не заперт ни затвором, ни замком.
Построен перед каждым домом был
Подземный склеп для родственных могил.

Был Искандар их жизнью удивлен,
И вот такой вопрос им задал он:
«Все хорошо у вас, но почему
Гробницы вам при жизни? Не пойму!»
Ответили: «Построены они,
Дабы во все свои земные дни
О смерти помнил каждый человек,
Чтоб праведно и честно прожил век.
Врата гробниц — безмолвные уста;
Но мудрым говорит их немота,
Что кратки наши дни, что все умрем,
Что этих уст мы станем языком».
Шах спросил: «А что ж вы без замков
Живете, дверь открывши для воров?»
Ему сказали: «Нет у нас воров,
Как нет ни богачей, ни бедняков,
У нас все обеспечены равно.
Здесь, если бросишь на землю зерно,
Ты сам-семьсот получишь урожай,
Так щедро небом одарен наш край».
Шах вновь им: «Почему никто из вас
Меча не обнажил в урочный час,
Чтоб власть свою народу объявить,
Чтоб твердый свой закон установить?
Как можно жить без власти? Не пойму!»
И граждане ответили ему:
«Нет беззаконий среди людей страны!
Нам ни тиран, ни деспот не нужны».
Вновь шах спросил их: «Дайте мне ответ!
А почему среди вас богатых нет?»
Сказали шаху: «Нам — сынам добра —
Противна жадность к грудам серебра.
Нет в мире яда алчности страшней,
И нет порока скуности гнусней.
Обычаи и нравы эти к нам

Пришли от предков, от отцов к сынам.
Отцами наши возвращены сады,
Мы их храним, снимаем их плоды».
Был Искандар всем этим поражен,
И повернул войска обратно он.
И проезжал он мимо мастерской,
Где, было видно, трудится портной.
Столь яркий свет лило его окно,
Что стало у царя в глазах темно.
Какую тот портной одежду шил?
Он жилы сердца резал и кроил,
Сосуды страсти низкой разрывал
И как-то их по-новому сшивал.
Пороки сбросив, словно хлам одежд,
Как нитку, шею скручивал невежд,
Иглы не выпускал из быстрых рук.
Шах Искандар сказал ему: «О друг!
Ты знал, что я гощу у вас в стране.
Что ж ты с народом не пришел ко мне?
Зачем от нас лицо ты отвратил,
Иглою быстрой к нам не поспешил?»
Портной сказал: «Я — вольный человек.
Я никому не кланялся вовек.
Моя судьба чужда твоей судьбе,
Из-за чего ж мне кланяться тебе?
Не по сердцу мне трон высокий твой,
Так что ж змеей мне ползать пред тобой?
У нас два шаха здесь делили власть,
Но жизнь их в некий день оборвалась.
С престола в темноту они сошли
И ничего с собой не унесли.
От их порфир, от их шелков цветных
Остались только саваны на них.
Ушли они, когда пробил их час.
Они чужими были здесь у нас.

И потому без почестей их прах
Похоронили далеко в горах,
Сложили прямо наземь, не в гробу.
И я пошел оплакать их судьбу.
Взглянул на тлен, оставшийся от них,
И на разбросанные кости их.
Хотел я их сложить, как надлежит,—
Не понял, что кому принадлежит».
Шах молвил: «Ты познашь озарен.
Ты мудростью великой одарен.
Коль хочешь — осеню тебя венцом,
Поставлю здесь над городом царем».
Сказал портной: «Благодарю за честь,
Но лучше я останусь тем, что есть!
Зачем мне шить себе наряд царя,
Бессмертья шелк кроить и портить зря
И однодневный шить себе багрец?
Другому нищему отдай венец!»

О кравчий, на корабль разбитый мой
Внеси корабль бокала золотой!
Чтоб я, среди сонма тонущих пловцов,
Живым достиг желанных берегов,
Певец, по струнам проводи смычком
И пой мне песню сладкую о том,
Как счастлив нищий тот полунагой,
Который царство отпихнул ногой.

ЗАВЕЩАНИЕ ИСКАНДАРА

Да будет добродетельный счастлив,
Кто с добрыми и злыми справедлив.
Царь к матери своей послал гонца
Пред наступленьем смертного конца.
В кругу друзей отверз уста свои,

Всех одарил сокровищем любви,
Осыпал близких ливнем жемчугов
И дальних не оставил без даров.
И так он свите плачущей сказал:
«О братья, мой последний час настал.
Когда в табут положите мой прах —
Безмолвный, в погребальных пеленах, —
Дабы услышал каждый из людей
О бедной, скорбной участи моей,
О том, как был я славен и велик —
Мир покорил, но цели не достиг, —
Пошлите весть по странам и краям,
Пошлите весть по землям и морям,
Что эти руки, бывшие сильней
Всех в мире, властью дивною своей
Срывавшие венцы с голов царей,
Сразившие полки богатырей,
Что эти руки мощные несли
Ключи от всех сокровищниц земли.
Но умер шах. И нет в руках его
Ни власти, ни богатства — ничего.
В путь бесконечный — в океан глухой
Ушел он, ничего не взяв с собой».
Живущий! Близок срок твой впереди.
Смерть скажет: «Все отдай и уходи!»
Ты золотом и перлами богат,
Знай — людям всем они принадлежат!
Отдай народу все, что должен дать, —
И оскудения не будешь знать.
О кравчий, с полным кубком поспеши,
Дай стражам утолить огонь души!
Певец, перебирай лады стихов
В размере добром сокровенных слов!
И пусть твой взор на доброе глядит,
Делами лишь добро руководит.

САЛАМАН И АБСАЛЬ

РАССКАЗ О ПРОСТАКЕ, КОТОРЫЙ
В ГОРОДСКОЙ ТОЛПЕ ПРИВЯЗАЛ К СВОЕЙ
НОГЕ ТЫКВУ, ЧТОБЫ НЕ ПОТЕРЯТЬ СЕБЯ

Кочевник в город некогда попал,
Он в городах доселе не бывал.

И там, в густой толпе многоязыкой,
Чуть не оглох от гомона и крика.

Спешил, теснился беспокойный люд,—
Те прямо лезут, те обратно прут...

А на торгу — у каждого прилавка
И шум, и брань, и толкотня, и давка.

Те выйти прочь хотят, а те войти,
И сквозь толпу густую нет пути.

Бедняга тот невольно устранился
И в закоулок наконец пробился.

Вздыхнул, сказал: «В такой толпе, как знать,
И сам себя могу я потерять!»

Тут мне нужна особая примета,
Чтобы узнать, опомнясь, я ли это».

И тыкву, что в мешке весь день таскал,
К ноге он для приметы привязал,

Мол, если вдруг себя я потеряю,
По этой тыкве сам себя узнаю.

И лег он и уснул. Пока он спал,
Насмешник некий тыкву отвязал

И, привязав к себе, расположился
Невдалеке и спящим притворился.

Вот встал, протер глаза простак степной
И видит — тыква на ноге чужой.

Он закричал: «Эй ты! Вставай, неверный!
Я по твоей вине погиб, наверно!

Ты это или я? Коль ты не я —
Откуда тыква у тебя моя?

А если это ты, так это что же —
Где я? Кто я теперь? Ответь мне, боже!»

В ПОРИЦАНИЕ СЫНА-ВЫРОДКА

О верных сыновьях сказал я слово —
Нерасторжимых со своей основой.

Но, недоброжелательный и злой,
Прямых врагов опасней сын дурной.

Коль, закоснев во зле, не исправим он,
Пусть будет лучше для тебя чужим он.

Ведь и у старца Ноя сын был Хам —
Заносчив, низок в помыслах, упрям.

И предал старец Ной его проклятью,
И отчужденья заклеил печатью.

Молись, слезами коврик ороси,
У бога сына доброго проси!

Чтоб воли злой не видеть проявленья
И не молить у неба избавленья.

РАССКАЗ О ЧЕЛОВЕКЕ, ПОПРОСИВШЕМ
У ОДНОГО ВЕЛИКОГО МУДРЕЦА ПОМОЩИ
В РОЖДЕНИИ СЫНА И СНОВА
ОБРАТИВШЕМСЯ К ТОМУ ЖЕ СТАРЦУ
ЗА ПОМОЩЬЮ ИЗ-ЗА ЗЛА, ДОСТАВЛЯЕМОГО
СЫНОМ

Был опечален некий человек,
Что без потомства доживал свой век.

И он к святому старцу обратился:
«Ты за меня молись, чтоб сын родился!

Моей возвращенный глиной и водой,
Меня утешит тополь молодой.

Сказать ясней — увижу благодать я
В тот день, как первенца приму в объятья».

Так долго он тревожил мудреца,
Что молвит тот: «Не искушай творца!

Во всех делах один он только знает,
Где зло тебя, где благо ожидает».

А тот: «Я раб желанья моего!
Молитвой же добьешься ты всего.

Так не лишай меня расположенья,
Проси осуществленья и свершенья!»

Шейх отошел и на молитву стал,
Воздел персты — и в цель стрелой попал.

Сын старику, как царский конь в отгоне,
Был пойман им в степи потусторонней.

Сын родился... И стал, когда подрос,
Причиной огорчения и слез.

И день и ночь с друзьями пировал он,
В бесчинствах диких удержу не знал он.

На крышу рядом влез однажды в ночь
И у соседа обесчестил дочь.

Муж дочери бежал — в стыде, в обиде,—
Кинжал в руках у пьяницы увидя.

Явились стражи, услыхавши крик,
Но откупился золотом старик.

Бесчестье сына вскоре повсеместно
Всем людям стало в городе известно.

Он на увещевания плевал,
На стыд и наказания плевал.

Отец же, откупясь, разорился,
Отчаялся и к старцу вновь явился.

Сказал: «Коль не поможешь мне в беде,
Защитника я не найду нигде!

Ты помолись еще, о старец славный,
Чтоб образумился мой сын злонравный!»

А шейх: «Ты помнишь — я тебе внушал,
Чтоб ты творца мольбой не искушал?

Моли прощенья на стезе юдольной!
И этого для двух миров довольно.

А там, куда уйдешь из сей страны,
Там, друг, ни сын ни дочка не нужны.

Ты здесь в тисках, ты раб. Не сетуй вздорно,
Что б ни случилось, принимай покорно».

О ЧЕТЫРЕХ СВОЙСТВАХ,
ЯВЛЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯМИ ЦАРСТВОВАНИЯ

Честь, мудрость, щедрость, мощная рука —
Вот свойства, при которых власть крепка.

Но мудрость выше низменных пристрастий,
Не терпит благородство женской власти.

Разумный муж высоко честь хранит
И похотью полу не осквернит.

Могучий дух рабом любви не будет
И царственного долга не забудет.

И щедрость, ради женщины любой,
Не жертвует великою судьбой.

Царь, если он собой не в силах править,
Не сможет царства своего прославить.

Всему, что может мощь твоих опор
Ослабить, ты суровый дай отпор!

И честь, и мужество, и мудрость — в этом.
Прибавить нечего к моим советам».

**ЗАВЕЩАНИЕ ПАДИШАХА
САЛАМАНУ**

«Хоть царство мира этого не вечно,
Для мудрых степь надежды бесконечна.

Свой разум светом знанья осеня,
Возделай ниву завтрашнего дня.

На поле жизни, не страшась коварства,
Готовь посев для будущего царства!

Коль мужа звезды знания ведут,
Усилья и труды не пропадут.

Что твердо знаешь — делай, полн старанья;
Не знаешь — восполний пробелы знанья.

По счету справедливому взимай
И справедливой мерой возвращай.

Лишь то бери, что указывает вера,
А с нечестивых не бери примера.

Добро, коль благо мудрости берешь
И мудростью возросшей воздаешь.

Не разрушай опору неимущих,
Не возвышай вельмож,
народ гнетущих:

Дай волю им — державу разорят,
А золото истратят на разврат.

Коль не спасешь народ от разоренья,
Сам от забот не обретишь спасенья.

Не отвращайся от прямых путей!—
Таков завет прославленных царей.

Не следуй тем, чей путь отсюда — в пламя,
Кто станет в бездне адскими дровами.

Несправедливостей не допусти,
Любой ущерб в прибыль обрати,

Чтоб чаша, что зовется «Мир и милость»,
О камень угнетенья не разбилась.

Будь как пастух, отара — твой народ;
Пастух свою отару бережет.

Тебе во всем быть правосудным надо.
И кто основы суть — пастух иль стадо?

Ты безопасность стада утверди,
Испытанных помощников найди,

Чтоб, как овчарки, были злы и яры
Против волков, а не среди отары.

Беда тебе на голову падет,
Коль пес с волками дружбу заведет.

Найди вазиров для опоры царства,
Радеющих о благе государства.

Быть должен мудрым верный твой вазир,
Чтоб охранять в стране покой и мир.

Честнейшего дари высокой властью,
Общественному преданного счастьем.

Чтоб он с людей ни на волос не брал
Поверх того, что сам ты указал.

Чтоб он был сострадателен к народу,
Во всем доброжелателен к народу,

Гроза — грабителям, а беднякам
И страждущим,— защита и бальзам;

Чтоб зависти и злобы не питал он,
Чтобы людей ученых почитал он.

Когда ж, как пес при бойне, грязен он,
Да будет отрешен и осужден.

Поставь над взором честных, беспристрастных
Фискалов, к лихоимству не причастных,

Чтоб через них ты знал о правде сей,
Что делается средь твоих людей.

Тех, кто виновным назовут вазира,
Остерегись предать на суд вазира.

Сам разбери — кто виноват, кто прав;
Иль будешь проклят, истину поправ.

Кто для тебя богатство собирает,
И города и села притесняет

(Ты знай, что впрок богатство не пойдет,
Что на виновных божий гнев падет)—

Твой враг подобный сборщик, чуждый чести,
Что вместо десяти взимает двести.

**Вазир жестокий, алчностью горя,
Клеветает пред народом на царя.**

**Власть нечестивца верным мусульманам
Всегда претит и проклята кораном.**

**Кто бедным людям гнет несет в удел,
Кто правду ради выгоды презрел,**

**Невеждой грубым предстает пред миром.
Невежда же не может быть вазиром!**

**Сам все дела мирские изучай,
Вершить их только мудрым поручай».**

КОММЕНТАРИИ

Адаб — совокупность знаний, необходимых образованному человеку.

Амир Хосров Дехлеви (1253—1325) — известный персоязычный поэт Индии.

Арасту — восточный вариант имени древнегреческого философа Аристотеля (384—322 гг. до н.э.), учителя Александра Македонского.

Бисутун — название скалы в Северо-Западном Иране, на которой высечены клинописные надписи и барельефы в честь победы царя Дария I (522—486 гг. до н.э.); в поэзии связана с подвигом легендарного Фархада.

Газель — лирическое стихотворение, главным образом любовного содержания, написанное бейтами (двустихиями), связанными одной рифмой.

Джамшид — легендарный царь древнего иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

«Джим» — название буквы арабского алфавита; символ локона.

Диван — сборник поэтических произведений.

Дутар — двухструнный музыкальный инструмент.

Зикр — обряд призывания бога, при котором в течение определенного времени повторяются эпитеты аллаха.

Зульф — локон красавицы.

Имам — священнослужитель, настоятель большой мечети, духовный глава мусульманской религиозно-политической общины.

Искандар (Искандер) — Александр Македонский (356—323 гг. до н.э.)

Кааба — мусульманская святыня в Мекке.

Каба — длинная мужская одежда, носится под халатом.

Калам — тростниковое перо.

- Касыда — торжественная (парадная) ода. Один из распространенных жанров восточной поэзии.
- Каф — буква арабского алфавита; легендарный горный хребет, опоясывающий землю, «От Кафа до Кафа» — по всей земле, по всему свету.
- Коран — священное писание мусульман.
- Кыбла — направление в сторону Мекки, священного города мусульман.
- Кыта (кытъа) — афористическое стихотворение, в котором поэт обычно описывал события, выражал затаенные мысли, жаловался на судьбу и т.д.
- «Лам — алифе» — название лигатуры из двух букв арабского алфавита, обозначает отрицание.
- Лейли(Лейла) и Меджнун — классическая влюбленная пара, чья любовь окончилась трагедией. Этим героям посвящены поэмы Низами, Навои, Физули.
- Маснави (месневи) — стихотворная форма, состоящая из двустиший с парными рифмами.
- Мадраса — мусульманское учебное заведение.
- «Мим» — название буквы арабского алфавита.
- Михраб — ниша или глухая арка в западной стене мечети, обращенной в сторону Мекки.
- Мутриб — музыкант и певец.
- Мурабба — стихотворение, состоящее из четырехстрочных строф, связанных единством темы.
- Навои Алишер (1441—1501) — великий узбекский поэт.
- Низами (1141—1203) — великий азербайджанский поэт.
- Нейсан — название месяца в древнесирийском солнечном календаре, соответствует апрелю.
- Парвиз Хосров (590—628) — шах Ирана из династии Сасанидов. Легенда о любви Хосрова и красавицы Ширин послужила сюжетом многих литературных произведений.
- Рахш — исполинский конь легендарного богатыря Рустама; в поэзии — символ рассвета.
- Рубай — форма лирической восточной поэзии, четверостишие, в котором рифмуют первую, вторую и четвертую строки.
- Рубаб — струнный музыкальный инструмент.
- Рудаки (858—941) — основоположник классической персидско-таджикской поэзии.
- Рум — Византия, Малая Азия; в восточной поэзии — западные страны.
- Рус — Русь; славянские страны.

- Саади (1184—1292)— великий персидско-таджикский поэт.
- Самбуса — пирожок с мясной начинкой.
- Табаристан — прикаспийская горная область в Северном Иране.
- Табут — погребальные носилки.
- Тарджибанд — форма восточной поэзии. Каждая строфа состоит из бейтов. В конце строфы повторяется один бейт, который и по смыслу должен быть связан с ней.
- Таркиббанд — строфическое произведение, близкое к песенным народным формам; по содержанию — любовное, а так же философское, возвышенное или скорбное.
- Туба — фантастическое дерево, растущее в райском саду и осеняющее трон аллаха.
- Туран — древнее наименование территории к северу от Ирана, населенной восточно-иранскими, затем тюркоязычными народами, позднее — Туркестан; в поэзии иногда — родина красавицы.
- Фард — двустишие; самостоятельное стихотворение, состоящее из одного бейта.
- Фархад — легендарный каменотес, безнадежно влюбленный в красавицу Ширин; образ верного страдающего влюбленного.
- Фейлакус — персоязычный вариант имени македонского царя Филиппа II (359—336 г.г. до н.э.), отца Александра Македонского.
- Фирдоуси Абулькасым (934—1025)— великий персидско-таджикский поэт.
- Хадж — пономничество мусульманина в Мекку.
- Хайям Омар (1040—1123)— великий персидско-таджикский поэт и ученый.
- Хакан — государь, правитель; титул главы тюрков Синьцзяна.
- Ханака — дервишская обитель; молельня.
- Хафиз Ширази (1325—1389)— выдающийся таджикско-персидский поэт.
- Хорасан — область, занимавшая Восточный Иран, часть Средней Азии и Афганистана.
- Хум — большой глиняный кувшин для хранения вина.
- Хума (Хумаюн)— Феникс, мифическая птица, приносящая счастье тому, на кого упадет ее тень.
- Хызр — чудотворец, хранитель живой воды.

Чанг — струнный ударный музыкальный инструмент.
Чигиль — местность в Туркестане, славившаяся красотой женщин.

Чин — Китай.

Човган — клюшка для игры в конное поло; название самой игры.

Эклюдус — арабская форма имени древнегреческого ученого Евклида (III в. до н.э.), «отца математики».

Юнон — Греция.

Юсуф (Юсуп, библ. Иосиф Прекрасный) — герой поэтических произведений Востока.

Якуб (библ. патриарх Иаков, отец Иосифа Прекрасного) — образ терпеливого отца-страдальца.

НА ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

Миниатюры XVI—XVII вв., исполненные к произведениям Джами.

К поэме «Дар благородным». Из притчи о полете черепахи.

К поэме «Дар благородным». Из притчи о молодой красавице и старике-повесе.

К поэме «Юсуф и Зулейха». Юсуф в саду Зулейхи.

К поэме «Юсуф и Зулейха». Зулейха прибыла к Миср Азизу.

К поэме «Юсуф и Зулейха». Юсуф во дворце Зулейхи.

К поэме «Лейли и Меджнун». Меджнун декламирует халифу свою касыду.

На обложке: миниатюра к поэме «Дар благородным». Поэт и тучный вельможа.

На фронтисписе: портрет Джами. Работа художника М. Воронского.

Миниатюры представлены из личного фонда профессора Сулейманова Х. С.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэт чистоты и благоразумия. <i>Алишер Шамухамедов</i>	3
---	---

ГАЗЕЛИ

1. <i>Перевела А. Адалис</i>	7
2—4. <i>Перевела В. Звягинцева</i>	7
5—34. <i>Перевела Т. Стрешнева</i>	9
35—46. <i>Перевел В. Державин</i>	25
47—48. <i>Перевел С. Северцев</i>	32
49—52. <i>Перевел Р. Моран</i>	33
53—55. <i>Перевела Я. Часова</i>	35

МУРАББА

<i>Перевел В. Державин</i>	37
--------------------------------------	----

КЫТА

<i>Перевел В. Державин</i>	39
--------------------------------------	----

РУБАИ

1—9. <i>Перевела В. Звягинцева</i>	48
10—16. <i>Перевел В. Державин</i>	49
17—20. <i>Перевел Н. Гребнев</i>	51
21—29. <i>Перевела Т. Стрешнева</i>	51
30—72. <i>Перевел Ю. Мальцев</i>	53

ФАРДЫ

<i>Перевел Ю. Мальцев</i>	62
-------------------------------------	----

АФОРИЗМЫ

<i>Перевел А. Шамухамедов</i>	67
---	----

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМ

«Дар благородным». <i>Перевел А. Шамухамедов</i> . . .	71
«Юсуф и Зулехха». <i>Перевел Х. Исмаилов</i>	77
«Книга мудрости Искандара». <i>Перевел В. Державин</i> .	95
«Саламан и Абсаль». <i>Перевел В. Державин</i>	113

Избранная лирика Востока

ДЖАМИ

Избранное

Издательство ЦК Компартии Узбекистана

Ташкент — 1984

Редактор издательства *И. Исаева*
Художественный редактор *Г. Аксенов*
Технический редактор *Г. Ломиворотова*
Корректор *Л. Русакова*

Сдано в набор 20.04.84. Подписано в печать 11.07.84.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага № 2
Гарнитура школьная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,68+7 вкл. Уч. изд. л. 5,14.
Тираж 355000. Заказ № 3631.
Цена на типографской бумаге — 65коп.,
на мелованной бумаге — 75коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
типография Издательства ЦК Компартии Узбекистана.
Ташкент, ул. «Правды Востока», 26